

Юлия Тупикина
iosono@yandex.ru
www.tupikina.com

Юг/север

Алла Молодецкая – владелица ИП, 60 лет
Рома Молодецкий – её сын, 30 лет
Регина – сестра Аллы, владелица брачного агентства, 70 лет
Роза – подруга Регины и партнёр Аллы по бизнесу, 70 лет
Соня – дочь Розы, 40 лет
Татьяна Петровна Иванова – зам префекта одного округа Москвы, 70 лет
Аня Иванова – внучка Татьяны, 28 лет
Пётр Иванович Иванов – отец Татьяны, 90 лет
Антон Барыш – перспективный чиновник, 30 лет
Игорь Бондаренко – исполнитель испанских песен и владелец лимузина, 55 лет
Эдуард – отец жениха, 50 лет
Нонна – мать жениха, 50 лет

1.

Татьяна спит, укутанная пуховым одеялом, как в детстве, когда ещё была жива мама. На голове косынка, чтобы волосы не растрепались – так мама велела, а ещё она не понимала пижамы, поэтому Татьяна всю жизнь перед сном надевает хлопковую ночную сорочку, хотя руки мёрзнут, да и вообще, в длинной сорочке до пят неудобно. Ей стали сниться удивительные сны – то сверкающие как алмазы льдинки, то подземные чёрные реки, прохладные и чистые, то метель в тундре. Как будто север позвал, её, которая уже давно живёт в Москве, в этом тепле. Вдруг обожгло дыхание – мороз, Татьяна улыбается, натягивает одеяло. Во сне мороз не страшный, можно высунуть ногу и чуть-чуть помёрзнуть, это, конечно, совсем не так, как было, когда она обморозила щёки и нос, тогда, в детстве, в Мирном. Они только приехали в Мирный, папа работал инженером, они ничего не понимали про холод, про такой холод. Сон меняется. Вместо снега теперь снится подмосковье, пляж у озера и вертолёт в небе, а в нём Коля. Коля летит к ней, потому что любит. Любит и хочет забрать. Она в купальнике, теряя тапочки, бежит к нему. Но вертолёт не снижается, Коля что-то кричит сверху, но ничего не слышно. Лопасты гонят холодный воздух, Татьяне зябко, слёзы на глазах замерзают колючими льдинками. Вертолёт улетает.

2.

Свадьба перевалила за середину, это видно по стеклянным глазам гостей, по их равнодушию к еде на красиво сервированных столах, по мрачной целеустремлённости официантов и по тому, что никто не смотрит на Розу, которая поёт городской романс на сцене. Невеста, разувшись, болтает с подружками, жених с друзьями. У Аллы звонит телефон, она мечется, ищет его, находит, отвечает.

АЛЛА. Нашёл? Ну зачем тогда звонишь, раз не нашёл. Найди. Найди, слышишь. Найди, Серёжа. На работе. Какая свадьба - тут похороны. А ты звонил Жорику? Это его одноклассник. Ну найди в фейсбуке. Ну в инстаграме найди, где там ещё молодежь пропадает. Умоляю, Серёжа! Не мог же он меня просто бросить и всё. Единственную мать.

Подходят Нонна и Эдуард.

ЭДУАРД. Извините, Алла Леонидовна. Простите, пожалуйста. Вы не подскажете - что у нас дальше?

АЛЛА. Дальше у нас – всеобщая радость и веселье.

НОННА. Я извиняюсь, а где программа?

Эдуард достаёт мятый договор.

ЭДУАРД. Дальше у нас вот тут написано, дальше у нас должно быть...

АЛЛА. Да вот же!.. Вот! Дальше в программе у нас фламенко. Фламенко!

НОННА. Я извиняюсь, мы договаривались, у нас договор. Где Ургант, фокусник, чечёточник, корова?

АЛЛА. Сдался вам этот Ургант. Помешались все на Урганте. Посмотрите, какой дизайн цветами вам сделали шикарный. А потолок вы этот видели? Охраняется государством.! Это, на минуточку, Бруни!

НОННА. Какие ещё Бруни, я извиняюсь.

ЭДУАРД. Нонна! Не какие, а какой – Лев Бруни – знаменитый художник!

АЛЛА. Во-первых, нужно говорить – извините. Я извиняюсь – значит, извиняю сам себя, что, согласитесь...

НОННА (*решительно*). Так, всё, хватит! Нам такая свадьба не нужна!

ЭДУАРД. Ну что ты такое говоришь!

АЛЛА. Вы послушайте, послушайте. Это же Окуджава. Вы понимаете, что это Окуджава? Интеллигентная московская свадьба, интеллигентная. Вокалист исполняет интеллектуальные песни. А вы тут со своей коровой.

НОННА. Да ни в какие ворота! Старая певица эта... Старьё поет... Деньги верните!

ЭДУАРД. Ты с ума сошла?

НОННА. Помолчи, Эдик, без тебя разберёмся.

АЛЛА. Деньги? Деньги, да? Деньги. Пожалуйста!

ЭДУАРД. Заберите, сейчас же заберите, вам говорят! Не нужны нам ваши деньги, мы что, денег не видели?

НОННА. Молодец, Эдик! Широкий ты человек! (*Алле*) Видали? Он на дачу уехал и пиликает на скрипочке. А я... Да что я, кому, блин, какое дело. Импланты ставить – на какие шиши?.. Ну, кого волнует? Три года в отпуск не ездила, копила на свадьбу эту.

ЭДУАРД. Свадьба у сына твоего, может, один раз в жизни, а ты устроила.

НОННА. У моего. А у твоего? Это наш общий.

АЛЛА. Послушайте, не надо драм, вам нужны деньги – я вам вернула. Не будет у вас сегодня развлекательной программы кроме Розы. Всё.

Нонна уходит с деньгами.

ЭДУАРД. Что случилось?

АЛЛА. Все эти номера исполняет один человек, мой сын. И он исчез.

ЭДУАРД. Как - исчез?

АЛЛА. Ну вот так.

ЭДУАРД. Может, помощь нужна?

АЛЛА. Да нет, спасибо, найду, я найду. Просто, понимаете, всё как-то резко, неожиданно. Найду. Заменяем. Незаменяемых нет.

Роза заканчивает петь, Алла берёт микрофон.

Счастье какое – ваш мальчик женится, все смотрят на вас, вы же счастливая семья, немножко осталось продержаться... (*громко, для всех*) Любовь напитала каждую молекулу воздуха, душа поёт, мы все чувствуем это тепло, эту надежду на счастье. И самое время вспомнить тех, кто так любил друг друга, что родились наши жених и невеста, самое время поблагодарить родителей, и попросить их показать пример великой любви своим детям. Горько, родители!

НОННА (*мужу*). Луку наелся, отойди.

ЭДУАРД. Ну прости, хочешь, на диване лягу сегодня?

НОННА. А лучше езжай на дачу. На неделю. Всё равно толку нет. И сил нет.

Нонна уходит, Алла звонит по телефону.

ЭДУАРД. Вдруг вспомнил, что мне всегда нравились женщины, ну, такие, как Си бемоль мажор, в этой тональности, такие патетические, как гимн Аргентины, как Моцарт, как Мерлин Монро или как Гурченко в «Карнавальная ночь» - кружатся, кружатся, голову кружат, у меня, конечно, редко что-то случалось с ними, это просто моё любование, понимаете, любование, диафрагма вздымается, мурашки, красивая женщина, если закрыть глаза и прислушаться, можно услышать, как меняется атмосфера – в ней появляется жизнь, влага, набухают почки, собираются облака, чтобы пролиться потом, позже, на эту сухую заждавшуюся землю, на меня, это как во сне, снилось сегодня, будто я старое дерево, почти пень, сухая палка, и пока ещё торчу, но ветер меня почти повалил, а я пока ещё торчу, один, один. Алла, а можно вам позвонить потом? Ну, после всего? Можно позвоню вам и приеду?

Алла отрывается от телефона.

АЛЛА. Что? Что вы сказали?

ЭДУАРД. Я? Да так, мысли вслух. Ничего.

3.

Квартира Регины и Аллы наполнена цветами и фруктами: на обоях, на потолке, на обивке мебели. Это жильё двух богинь плодородия и изобилия, непонятно, как тут раньше жил Рома, бедный Рома, о нём напоминает разве что боксёрская груша, но и то, ключевое слово “груша”, она дополняет этот райский сад, вплетаясь стилистически. В спальне Аллы огромная как море кровать, не меньше, чем для троих, и сама Алла возлежит на ней в пеньюаре, среди сатиновых одеял, ну не как Даная, но что-то подобное, хотя издали похоже на огромного сонного дельфина. Регина мельтешит у неё перед глазами как стая мелких рыб. Регина красотка, все так всегда говорили и говорят:

“Регина, ты красотка”. Регина может плавать несколько часов подряд, стройная и энергичная.

РЕГИНА. Ну что, вставай давай. Я уже зарядку сделала. Двести приседаний. Никто не верит. Контролирую ситуацию. Могу повлиять на свои колени – и влияю. Опять же, попа. Возраст по ней определяют, между прочим, не по щекам. И мне лет тридцать. Ну ладно, сорок.

АЛЛА. Я тебя умоляю, Регина Леонидовна.

РЕГИНА. Сто раз просила, Алла Леонидовна. Без намёков на возраст.

АЛЛА. Регина. Свари мне кашку, Регина. Как сестра сестре.

РЕГИНА. Встань и сама свари. А я смузи из манго схочмячила, там концентрация витаминов высокая.

АЛЛА. Диета?

РЕГИНА. Диета пришла ко мне свыше, как с неба сказали: Регина, не ешь после пяти. Ничего не ешь.

АЛЛА. Ты тараторишь вечно, поэтому я свой голос свыше не слышу и толстею.

РЕГИНА. Вставай уже и делай зарядку, вот что свыше сегодня передали. Работаю с утра, создаю семьи, а что толку – женить их теперь некому, да?

АЛЛА. Ты сватай, сватай, ты же сваха. Поженятся и без меня, я пас.

РЕГИНА. Жених один двойной гонорар прислал – лишь бы отвадила невесту от него, пристала одна бухгалтерша из Калуги, мать с двумя детьми – самые ненасытные они. А жених швед, человек простой: айтишник, охотник, миллионер. Вот, что меня волнует, милая – эти люди, айтишники, ну, те, что программируют и всякое такое с компьютерами – существует ли для них удачная пара, кроме работниц бухгалтерии?

АЛЛА. Почему рано утром после смузи из манго ты думаешь об этом?

РЕГИНА. Ну это мой хлеб, дорогая, чем точнее предложу пару, тем быстрее сделка, а потом к тебе на свадьбу, разделяем прибыль, едем путешествовать. Разве нет?

АЛЛА. Ну почему именно айтишники?

РЕГИНА. Так их всё больше. И они порядочные, как правило. Приходят домой после работы, едят, смотрят порно, ложатся спать. Добропорядочные граждане. Только немного замкнутые. Интроверты.

АЛЛА. Найди и мне кого-нибудь.

РЕГИНА. А Игорь?

АЛЛА. Игорь? С ума сошла, у него жена.

РЕГИНА. А, ну да. Ну что ж, ты богема, кого тебе?

АЛЛА. Шведа давай, миллионера, что мелочиться.

РЕГИНА. Ему 30 лет, не будем пугать парня. А вот у меня испанский писатель есть, посмотришь?

АЛЛА. Не люблю паэлью. давай французского.

РЕГИНА. Ты языки не учишь, а нельзя же сразу в постель. Надо пообщаться вначале.

АЛЛА. Кто бы говорил.

РЕГИНА. Бери москвича. Допустим, русский чиновник. Это экзотический вариант, понимаю. Но посмотри, какой перспективный. Их же всё больше и больше. Ты посмотри, как много стало, не айтишник, так чиновник, не чиновник, так айтишник, а если чиновник в сфере айти – вообще класс! Ну или айтишник на госслужбе. Какие шикарные варианты, Алла!

АЛЛА. Ты Рому имеешь в виду?

РЕГИНА. Алла, мальчик имеет право влюбляться, в кого хочет.

АЛЛА. Так, ты что, на его стороне?

РЕГИНА. Конечно.

АЛЛА. Чиновников любить нельзя, если ты бизнесмен. Не можешь добровольно любить их. Только принудительно. Классовая вражда. А он ушёл к чиновнице.

РЕГИНА. Давай так, давай подождём, а? Вернётся. Надоеет она ему.

АЛЛА. Уже две недели, Регина, две недели! И не появляется, и не звонит, как в воду канул! Бизнес к чертям летит, мне всем надо возвращать деньги. Он же всё – и Ургант, и корова, и фокусник, и чечёточник! А через три дня снова свадьба, что прикажешь?

Звонок в дверь, Регина открывает – на пороге Роза. Роза – роковая женщина. Роза никогда не суетится. У Розы всё чётко. Она сразу же оказывается в центре всего.

РОЗА. Ну что, всё пропало? Гипс снимают, клиент уезжает?

РЕГИНА. Вот именно. Игристого будешь?

РОЗА. Как в тебе всё сочетается: и алкоголь, и физкультура, и пожрать, и талия.

РЕГИНА. А всё равно мужики сбегают к тебе.

РОЗА. Это в восьмидесятых было, сколько можно вспоминать. Ну что, проворонили мальчика.

АЛЛА. Не сыпь мне.

РОЗА. Так что, закрываем бизнес? Не проблема, вообще не проблема – офис буду сдавать в аренду. Хорошие деньги, почти центр, мне на жизнь хватит, а у тебя пенсия. Помнишь? Пенсия. Вот и отдохнёшь. Выспишься. Не будешь, знаешь, мотаться по этим путешествиям. Сколько можно оперу слушать в Европе? Сумки лучше тряпичные носить, а не это вот по цене автомобиля. Импланты? Кому нужны? Можно сразу челюсть вставную.

АЛЛА. Роза, что тебе надо от меня?

РОЗА. Так и будешь валяться в шелках себя жалеть?

АЛЛА. Это сатин.

РОЗА. Ну не тяни – закрываем?

АЛЛА. Роза, зачем тебе в принципе весь этот бизнес? Немолодая. Да, извини, но я прямо – не совсем ты уже молодая. Горько, да. И зачем горло драть на этих свадьбах ужасных? Ты ведь раньше в филармонии пела, профессионально, а теперь такое. И правда, офис можешь сдать и примерно так же жить. Тебе-то зачем суета эта?

РОЗА. У меня голод подлинного человеческого контакта. У меня голод ощущения причастности к чему-то большому. Настоящему. От моих песен жизнь людей становится лучше. Они очищаются через страдание лирической героини.

РЕГИНА. Некоторые от страдания прямо на улицу выскакивают из ресторана.

РОЗА. Так где он?

РЕГИНА. Мы все хотим знать. У меня гора писем не переведена. Не нанимать же чужого.

АЛЛА. Да кто знает, где он? У этой своей поселился, наверное, подружки новой.

РОЗА. Найти надо.

АЛЛА. Надо. На звонки не отвечает.

РОЗА. На работу прийти.

РЕГИНА. Роза, ты ку-ку? Он же работает у тебя в офисе. И на работу не приходит две недели.

РОЗА. Так он же кафе открыл недавно?

АЛЛА. Скрывает адрес. Это его тайный бизнес, не хотел говорить. Чтобы мама не в курсе.

РОЗА. Ай-яй-яй. И что, совсем неизвестно, где это?

АЛЛА. Да где угодно, что, по всей Москве ходить искать?

РОЗА. А ну-ка ну-ка, а ну-ка, ну-ка ну-ка, давайте-ка позвоним-ка Сонечке, вдруг у неё для нас новости есть.

Роза тычет в телефон и включает громкую связь. У Сони чудесный голос – глубокий, с красивыми обертонами, его хочется слушать бесконечно, у ног женщины с таким голосом должно лежать всё. Вот просто ВСЁ.

РОЗА. Алло, детка, расскажи нам про Рому.

СОНЯ (*голос*). Рома? Ну что сказать, у Ромы цветущий вид.

АЛЛА. Сонечка, ты видела его? Ну как он? Где он?

СОНЯ (*голос*). Работает в своей кофейне “Юг/север” на Покровке, варит кофе, разные бородатые парни там толкуются.

АЛЛА. Только парни? Это специальное место?

СОНЯ (*голос*). Да не переживайте, тётя Алла, и мальчики, и девочки, всем варит кофе, у него много сортов. Кажется, всё хорошо у Ромы.

АЛЛА. Хорошо? Как это хорошо? Бизнес летит к чертям!

СОНЯ (*голос*). Ну он говорил мне раньше, что когда тебе тридцать, очень важно сепарироваться.

АЛЛА. Сепа что?

СОНЯ (*голос*). Сепарироваться. Отделиться от мамы. Пожить своей жизнью немного. Но я думаю, тётя Алла, он вернётся.

АЛЛА. Господи, Сонечка, твои слова бы да в титры этого фильма: “и тем вечером он вернулся к маме, блудный сын, и мать велела зарезать откормленного телёнка, ибо сын сей был мертв и ожил, пропадал и нашёлся”.
Конец.

СОНЯ (*голос*). Ну я побегу, у меня тут поставщики. (*конец телефонного разговора*).

АЛЛА. Да-да, конечно, дорогая. Господи, какой же красивый голос. И какая умница.

РОЗА. А я что тебе говорю последние лет двадцать? Слияние капиталов. Твой сын, моя дочь. Бизнес в надёжных руках. Они по сути уже партнёры, как мы с тобой, осталось только скрепить браком.

АЛЛА. Ну что я сделаю, если они никак? Ни он к ней, ни она к нему, с детства. И в лагеря посылали, и ночевать оставляли. Зироу.

РЕГИНА. Английский знаешь, оказывается.

РОЗА. “Юг/север”, Покровка, почему юг? Почему север?

4.

Соня в своей мастерской крутит букеты из цветов, по громкой связи разговаривает с Розой и Аллой. Соне сорок лет, она очень толстая, даже вырос жировой горбик, у Сони слоновьи ноги и толстенькие пальцы, но на них кольца, на запястьях браслеты, губы покрашены, локоны завиты.

РОЗА (голос). Алло, детка, расскажи нам про Рому.

СОНЯ. Рома? Ну что сказать, у Ромы цветущий вид. У него всегда был цветущий вид, как у персика, или как у фруктовой ветки весной, всегда хотелось поцеловать при встрече, начиная с его десяти, когда он пришёл ко мне на день рождения, мне тогда двадцать исполнилось, с коробкой кофет, от них с коробкой пахло ванилью, и теперь, когда встречаю его, мне кажется, он несёт на себе ваниль, может быть, где-то за ухом, или под мышкой, но как проверить? Всё началось тогда, но было просто, ну, такое любование, как картиной Карла Бруни, влажный взгляд, кудри тугие, а потом, ну, потом ему вдруг стукнуло восемнадцать. Стукнуло восемнадцать. Стукнуло восемнадцать. Рост. Плечи. Бёдра. У меня стало пересыхать во рту.

Пока Соня рассказывает про Рому, Алла в машине медленно едет по Покровке. Она смотрит по сторонам, заглядывает в каждую кофейню. Наконец, замечает узкую стеклянную витрину, за ней – крошечное помещение – стойка с большой кофемашиной, тут же два барных стула – могут поместиться всего трое человек включая баристу. Алла видит своего сына – красивого, модного, он варит кофе для двух бородатых парней. Алла останавливается на аварийке напротив и тайно наблюдает. В открытое окно ей слышно жужжание кофемашины, шипение струй пара, стук чего-то металлического, громкий смех посетителей. Все трое оживлённо разговаривают, машут руками, задевают друг друга бородами, оцетиниваются голыми коленками. Все трое выглядят как коллективный паук, яркий, татуированный, шумный. Прохожие заглядывают в кофейню, но, видя, что нет мест, идут мимо. Алла думает о том, что Рома скоро разорится – аренда дорогая, а кофе, хоть и по триста рублей, но два посадочных места, они болтают и болтают, хорошо проводят время, аренда капает и капает, сколько дал СЭС и пожарным, коричневый – его любимый цвет, кофемашину купил или в аренду, профессиональная, полуавтомат, цвет белый жемчуг, две тыщи евро, а то и больше, а мог бы оборудовать старый автомобиль, четыреста тыщ – и вот, кофе на колёсах, возле метро встал и собирай по сто пятьдесят за стакан, вроде осунулся, кормит там его эта лохудра или нет, конечно, мальчику нужен секс, наиграется и вернётся, свадьбы – это серьёзный бизнес, пусть попробует, скоро разорится и вернётся. На этой мысли Алла закрывает окно, выключает аварийку, мигает левым поворотником, плавно нажимает на газ. Радио передаёт весёлую оптимистичную песню. На зеркале заднего вида болтаются вишенки, они соединены навсегда, они - одно целое.

СОНЯ. Проблема в том, что я всегда больше. Он всегда младше на десять лет, и я всегда тяжелее. Я всегда земля, он всегда ветер. Он не может просто сидеть или просто стоять, внутри него как будто музыка, он всегда пританцовывает, или просто двигается, и мысли его перемещаются легко, со свистом, по-английски, по-французски, по-немецки, даже по-испански немного, ну вот казалось бы, как, мне надо сидеть и зубрить, а ему так просто достаётся, просто песенку послушал, просто погулял по Лондону, Берлину, Барселоне, Парижу, хотя он больше Лазурный берег любит и Прованс, и девушкам он нравится быстро, а почему бы не нравиться, такой красивый, такой смешной, такой лёгкий, и на лыжах, и на борде, и в теннис, и на велике, какая у нас может быть семья, как из икеи, он не нудит, как мой бывший, он улыбается, не смотрит телевизор, ходит в театр и на концерты, играет в мафию и ловит покемонов,

пьёт имбирный чай и разбирается в кофе, у него коллекция шейных платков и дорогая стрижка, виниловые пластинки, маникюр, свитшоты, слипоны, лоферы на голую ногу, айфон, айпад, айпод, мак, мягкая кошачья шерсть на груди, футболки мартин марджела, умение монтировать видео, сводить музыку, хорошее настроение. Всегда хорошее настроение. Всегда-всегда хорошее настроение.

5.

Кабинет муниципальной служащей – дорогая мебель, столы расставлены буквой Г, портрет президента на стене. Татьяна сидит в офисном кресле, Алла на стуле, как посетитель. Татьяна застёгнута на все пуговицы, чёрный костюм идеально сидит. Алла вторглась цветным облаком в этот монохром, волнуется.

ТАТЬЯНА. Я слушаю вас.

АЛЛА. Это личный вопрос.

ТАТЬЯНА. Так.

АЛЛА. Мой сын месяц не появляется дома. Он живёт у вашей внучки.

ТАТЬЯНА. Так.

АЛЛА. Теперь заниматься малым бизнесом в нашей стране – это просто героизм.

ТАТЬЯНА. Допустим.

АЛЛА. Мне нужен мой мальчик обратно.

ТАТЬЯНА. А я при чём?

АЛЛА. Не верю, что вы не контролируете половую жизнь вашей внучки.

ТАТЬЯНА. Допустим.

АЛЛА. Давайте вместе повлиаем.

ТАТЬЯНА. Я что-то ничего не поняла: вы кто такая?

АЛЛА. Меня зовут Алла. Записалась к вам на приём по личному вопросу. По поводу вашей внучки.

ТАТЬЯНА. Вы Аню знаете?

АЛЛА. Нет, но мой сын, Рома, её знает очень хорошо. Полагаю, просто всё уже о ней знает. Месяц живут.

ТАТЬЯНА. А! Вот в чём дело. И кто он? Где служит?

АЛЛА. Нигде не служит, малым бизнесом занимается.

ТАТЬЯНА. Яхта есть?

АЛЛА. Нет.

ТАТЬЯНА. Дом?

АЛЛА. Нет.

ТАТЬЯНА. Так что вы от меня хотите, женщина?

АЛЛА. Меня зовут Алла, Алла Молодецкая. Хочу, чтобы вы прогнали его. И он бы тогда домой вернулся.

ТАТЬЯНА. Парадоксально. Может, ваш сын счастливый билет вытянул.

АЛЛА. Вряд ли.

ТАТЬЯНА. Буду разбираться. Ну а вы, вы-то чем занимаетесь?

АЛЛА. Малым бизнесом. Свадьбы организую.

ТАТЬЯНА. У нас в округе праздник скоро, день детства, поучаствуете материально?

АЛЛА. Я? Почему я?

ТАТЬЯНА. Ну а кто? У вас деньги.

АЛЛА. У меня?

ТАТЬЯНА. Да, у вас. Ответственное надо быть, делиться прибылью с обществом.

АЛЛА. Налоги все заплати, в пенсионный заплати, отчётность меняется каждый квартал, штрафы, какая прибыль?

ТАТЬЯНА. Знакомая песня. Все вы такое поёте. Жадность да алчность. О народе не думаете?

АЛЛА. О каком народе? Так мы и есть народ.

ТАТЬЯНА. От налогов уклоняетесь? Уверена, уклоняетесь. О чём ещё тут можно говорить.

АЛЛА. У вас сумка за три тыщи евро.

ТАТЬЯНА. Что?

АЛЛА. Сумка у вас за три тыщи евро. Это на зарплату?

ТАТЬЯНА. Да это подделка, в переходе за триста рублей купила. А вы тут что себе позволяете, женщина?

АЛЛА. Алла, Алла Молодецкая. Сын мой Рома Молодецкий. Компания наша – “Задор”, тоже молодецкий. Отпустите мальчика.

ТАТЬЯНА. Да кто его держит? Выпнем сегодня же вечером, боже мой, сокровище. А вы уходите давайте, у меня приём по десять минут.

Алла уходит молча, хлопнув дверью. Дверь хорошая, дорогая, из массива дерева. Татьяна звонит по телефону, включает громкую связь.

Антон, замени меня.

АНТОН. Вы незаменимая, Татьяна Петровна.

ТАТЬЯНА. Допустим. Посиди на приёме.

АНТОН. На приёме? Так они же к **вам** идут.

ТАТЬЯНА. Кресло такое – Татьяна Петровна, они к нему. Сядешь в него и сам Татьяной Петровной станешь. Давай быстро, Антоша.

Татьяна уходит. Входит Антон. Антон – невзрачный молодой человек с небольшим брюшком. Антон решительно садится в кресло Татьяны, принимает её позу. В дверь стучат, заглядывает какая-то посетительница.

АНТОН. Ну давайте, женщина, заходите, смелее. Так. Я сегодня добрая, допустим. Всем десять, а вам пятнадцать минут. У нас день детства, поучаствуете материально?

6.

Аня и Рома возлежат на подушках прямо на полу, за низким столиком, уставленном мёдом, орехами и запечёнными в духовке при 250 градусах Цельсия овощами – половинки клубней картошки, половинки баклажанов, половинки болгарских перцев, половинки томатов – и соус к ним, сделанный из кефира, в который крошили листья водорослей для суши, получается очень вкусно. Аня и Рома жгут ароматические свечи. Аня и Рома хороши.

АНЯ. Нечего есть, всё в пестицидах. Молока не купишь – всё горчит, всё с консервантами. Творог пластиковый. Мясо – понятно, яд, но вот помидоры – из чего они их делают? Дышим выхлопами - это хорошо, у нас в Москве заводов нет, а как люди в других городах? Вода жуткая, из старых труб, у меня кожа

шелушится. Уровень шума конский - бьёт по ушам, это же такие перегрузки. Поэтому надо медитировать несколько раз в день, говорю, тебе, Ром, не ленись. Медитируй. И работа не должна тебе мешать. Начнём с того, что гоняться за прибылью – неэкологично. Вон, коррупционеры гоняются, а потом в тюрьме сидят. Но и бороться с коррупцией – это тоже находится в системе. Надо стараться создавать новую систему. Какую? Не знаю.

В это время Татьяна едет на заднем сиденье служебной машины с водителем. Она думает о своей внучке Ане. Ане 28 лет и она странная. Аня социалистка, а значит, нигде не работает, из университета в Лондоне ушла, из другого в Берлине выгнали, дружит с художниками, поэтами и прочими бездельниками, одевается как бомж, спасает кошек и собак, позорит семью, Семён Сергеевич смеялся над ней, такую надо быстро замуж за приличного человека выдать, пользы ноль, служить не будет, бракованная, вегетарианка, мусор собирает и раз в месяц сдаёт в какой-то пункт, везёт на такси, а так мусор лежит на балконе как у бомжей, батарейки сдаёт, целофановыми пакетами не пользуется, только бумага или сумки тряпичные как у старухи, в кого только такая уродилась, урод а не девушка, стихи только читает.

АНЯ. Вы так привыкли жить за взятки
Закрывать бабло плитами брусчатки
Что вам законы – были бы судьи знакомы.
А если что, напишут новые законы
Твои друзья, хорошие люди.
А мелкие сошки себя несут на блюде.

ТАТЬЯНА. Иди учись, иди работай!
Кроме как всех ругать нет другой заботы?
Вы воздух сотрясаете – мы делаем дела,
Ты пороху не нюхала, поэтому смела.
Я беру ответственность, я строю отношения,
Меня благодарят за мудрые решения.

АНЯ. Наша страна – это бедные регионы,
Ваша страна – кучка пижонов и их миллионы,
Откуда богатство, нажитое непосильным трудом?
Вы тянете страну назад и вниз, вы не правы кругом!
Хочешь помочь своей стране немного?
Продай дачу – построй дорогу!

ТАТЬЯНА. Легко чужие деньги делят нищоброды,
Пока ты воздух сотрясаешь, идут годы.
Хипстерня пьёт кофе, школьник тырит ластик,
Пока мы делаем дела – вы на балласте.
А балласт ведь можно сбросить
И как вас всех зовут никто не спросит.

Лучше бухучёт бы учила, ну или в Академию управления, а она йогу прости господи преподаёт вот и вся работа, не то что мать, мать мэром города работала, маленького но приморского, широко жила, на яхте каталась, дом в

Италии, квартира в Лондоне, любовники молодые, посыпалась из-за заповедника, говорила же не надо Катя, это не жадность у неё – азарт, заповедные земли оформила в частную собственность одному товарищу, экологи скандал раздули, хорошо я вмешалась, ой мамочка если б не ты и плакала обнимала, чем могла помогла, теперь живёт спокойно в своей Италии а я тут с Анькой возись что там ей в голову стукнет кто знает замуж бы выдать да и перекреститься срочно жениха найти на крайний случай Антон сгодится всё будет хорошо.

АНЯ. Хочется очиститься. Всё-всё лишнее выбросить, сбросить, детокс, полный детокс в обществе, великий пост. И начать что-то новое, совсем, кардинально. Но сначала расхламить. Поэтому я майки твои из полиэстра выбросила – это пластик, Ром, при каждой стирке его частицы поступают в канализацию, потом их съедают рыбы, а мы рыб, а значит, пластик. Но я не поэтому рыбу не ем, а потому что через убийство не достичь счастья. Только через любовь. Я беременная. Две полоски.

7.

ТАТЬЯНА. Ваша программа о женщинах, но я не вижу большой разницы между женщинами и мужчинами. Просто есть люди высокой планки и низкой планки. Люди низкой планки думают только о новом диване, детей рожают, скучают, строят своего супруга или, там супругу. А люди высокой планки... Ну, например, они строят страну. Чувствуете разницу? Они строят промышленность, энергосистему создают, врываются в новые пространства. Например, поколение моего отца – оно такое. Папа мог Байкал перебежать – на одном боку курица висит, на другом вода – и целый день бежит зимой, просто так, для удовольствия с другом – просто поставили себе планку высоко – и вперёд. Ветер пронизывающий, мороз, тогда не было одежды этой специальной мембранной. Всего-то два инженера, не спортсмены. Или, например, человек родину защищает. Воюет за нас. Погибает. И навсегда в нашем сердце, молодой, красивый. Так что, девушки, поднимите планку, не сидите дома с борщами, вытирая сопливые носы детям, работайте. Служите, спасайте, рулите страной. Не связывайтесь с этими эгоистами, мелкими лавочниками, торгашами. Будьте строже, холоднее, аскетичнее. Не надо всех этих эмоций, дикости этой – с холодным носом делайте своё большое дело и не жалеите себя. И на своём пути никого не жалеите. И врагов не жалеите.

8.

Офис Аллы, то есть, Аллы и Розы, а точнее – ООО “Задор”. Небольшой, уютный, женский. На диванчике сидят Игорь и Эдуард.

ЭДУАРД. Мне бы Аллу Леонидовну.

ИГОРЬ. Вы по какому вопросу?

ЭДУАРД. По личному.

ИГОРЬ. Где-то вас видел.

ЭДУАРД. На свадьбе у моего сына.

ИГОРЬ. Что, он снова женится?

ЭДУАРД. Нет, это я хочу жениться.

Входит Алла.

АЛЛА. Он из Великих Лук, лейтенант, раненый в ногу, приехал в госпиталь село Маслянино Новосибирской области. Он красавчик, а вокруг столько девушек, каждая улыбается, каждый вечер новая, как в малину попал. Ничего такого, просто целовались, обнимались, просто совсем молодые, такие красивые, и может, правда, жениться, увезти сибирячку куда-то на юг, война вот-вот кончится. Она не самая красивая, ну, две косы чёрные до пояса, так у всех косы, все белозубые, все молодые, тёплые взгляды летают. Но она в клубе читала рассказ. Она стояла на сцене и читала рассказ про Ивана Изегова. Чьи-то чужие слова, чужие судьбы. Её нельзя было не услышать. Она так читала. Звонящая тишина. Иван. Кожа на лице обветренная, шершавая, грубая. Губы потрескались. Жесткий взгляд. Голос тоже жесткий. Улыбка короткая. Разговор скупой и суровый. Вот он – солдат Изегов, герой Волховского фронта, изуродованный в войне. Грубые рубцы на лице, теле, отнята нога. Пальцы на правой руке не разгибаются. Кому ты нужен, солдат? Никому не нужен. Что будешь делать в мирной жизни, ты ничего не умеешь, только воевать. Только бросать свою единичную жизнь против огня, только сгорать. Как твоя жена примет тебя, инвалида? Ей, нежной и слабой, тащить тебя на себе? Ей плакать ночью в подушку, думая о своей несчастной участи и твоей недочеловечности, нецельности, твоей полужизни? Но ему говорят: она ждёт тебя, она твоя жена, напиши ей, ей нужно знать, что ты жив, что ты вернулся. И он пишет письмо: ну здравствуй, Маша. Как ты, моя красивая? Я не совсем такой, я изменился. И вот еду из госпиталя, но ты можешь меня не узнать. Не приходи, не встречай, я пойму. Посмотри со стороны и уходи. Найду, где жить, а ты снова выйдешь замуж, ты красивая, молодая. Всё пойму. Желаю тебе счастья, твой Ваня. И садится в поезд, на костылях, с махоркой, в старой шинели. Поезд едет мимо голых одиноких деревьев, природа плачет, небо раскисло. Он пьёт кипяток, курит, серая влажность за окном не кончается, и кажется, болит та нога, которой нет. Страшно приехать, а приехать надо. И вот та станция. Он выходит, ребята помогают сойти на перрон, вещьмешок ударяет по спине, лязгает котелок. На перроне другие раненые солдаты, кого-то обнимают, кого-то качают, все плачут. Её нет. Он курит папиросу до конца, грубые пальцы не чувствуют огня, не чувствуют боли, только дёргается рубец на щеке, и где-то внутри будто ноют осколки, не все достали. Её нет. И в этом облегчение. В этом какая-то тишина, тянет ногу. Хочется выпить водки, но где её взять. Он идёт по перрону в сторону вокзала, надо подумать, что теперь, куда теперь, эх, махорка кончается, эй, брат, насыпь ради бога. Она догоняет его сзади. Она обнимает за шею. Целует его грубую кожу, его борозды и ожоги, мочит слезами, или это мои слёзы. Маша. Ваня, ты дома, Ваня, ты вернулся живой, я самая счастливая. И вот, она читала этот рассказ про Ивана Изегова, простая, не самая красивая жительница села Маслянино, с двумя чёрными косами до пояса. Она читала, и он не мог отвести от неё глаз. Она читала, и он привязывал свою жизнь к её жизни. Так встретились мои папа и мама, Зоя и Лёня. Они поженились и уехали жить в Кишинёв. Мы с Региной выросли на юге. Гроздь винограда в три кило, это так нормально. Персики и лепестки персиков весной под ногами. Солнце, все тебя любят, можно просто надеть красивое платье и идти по солнечной стороне, чтобы все любовались.

На самом деле Алла не произносит этот монолог. Скорее, это вибрация её души. Но всё описанное – чистая правда, так оно и было на самом деле.

ИГОРЬ. Аля, можно тебя на минуточку?

АЛЛА (*Эдуарду*). Вы по какому вопросу?

ЭДУАРД. По личному.

ИГОРЬ. Так, это, мужчина, я тоже по личному, то есть, срочное дело.

АЛЛА. Игорь Иванович, нам говорить не о чем, я всё сказала, вы своё решение приняли.

ИГОРЬ. Да ты же не понимаешь, Алла Леонидовна, всей ситуации, зачем ставить вопрос ребром?

АЛЛА (*Эдуарду*). Что у вас за вопрос, я слушаю.

ЭДУАРД. Меня зовут Эдуард. Помните, свадьба была у моего сына? Жена такая, Нонна, моя жена, помните?

АЛЛА. А, Нонна, она еще говорила «я извиняюсь» вместо «извините».

ЭДУАРД. Да, она. Хотел позвонить вам много раз.

АЛЛА. Так вы что, снова с претензией? Я же деньги вернула.

ЭДУАРД. Нет, совсем нет. Дело в том, что мы разошлись с Нонной. То есть, я ушёл.

АЛЛА. Игорь Иванович, видите, товарищ ушёл от жены.

ИГОРЬ. Поздравляю.

АЛЛА. И что, вы хотите заказать новую свадьбу себе?

ЭДУАРД. Да. То есть, нет. Понимаете, мне приснился сон. Что я будто бы Одиссей, и плыву на корабле, играет волшебная музыка – это сирены, они поют. Одна похожа на Мерлин Монро, другая – на Людмилу Гурченко, они такие красивые, я вдруг вспомнил, что так любил их. Давно, когда-то давно. Носил свитер, хотел быть похожим на Хэмингуэя.

ИГОРЬ. Очень смешно.

ЭДУАРД. Да, все смеялись. В общем, проснулся, достал скрипку, заиграл что-то такое в си бемоль мажор. (*Алле*) Помните, я сказал вам тогда, на свадьбе, что вы похожи на си бемоль мажор?

ИГОРЬ. На свадьбах скрипки не нужны. И у Аллы Леонидовны уже есть гитарист.

АЛЛА. У меня больше нет гитариста.

ИГОРЬ. У тебя есть гитарист.

АЛЛА (*Эдуарду*). Так вы скрипач?

ЭДУАРД. Вообще-то – гувернер. С детьми занимаюсь – из школы забрать, уроки сделать, покормить, в шахматы поиграть, побегать в футбол во дворе.

АЛЛА. А от меня что хотите?

ЭДУАРД. Понимаете, в том сне, ну, когда я плыл, мне кажется, я плыл к вам.

ИГОРЬ. Приплыли.

ЭДУАРД. Подождите, не говорите ничего, попробую объяснить. Понимаете, я жил как робот. Всё было понятно. Так скучно. Это была ложь, мы по сути с Нонной давно чужие. И не надо было позволять ей унижать меня. Это как снежный ком – сначала фыркает, потом завтраки перестаёт готовить, потом рывкает, так и до побоев можно скатиться.

ИГОРЬ. Так тебя жена била? Ну ты даёшь, мужик.

ЭДУАРД. Потому что я трус. Забился под плинтус и не отсвечивал. А теперь пришёл к вам – возьмите меня скрипачом.

ИГОРЬ. Скрипка? Испанская гитара – вот, что нужно людям. Горячая испанская гитара. Женщины вспоминают, что они женщины. Мужчины тоже гормонально всплескиваются. При чём тут скрипка? У нас не похоронное агентство, мужик.

АЛЛА. У нас? У меня, ты тут не при чём, Игорь Иванович, я с тобой больше не работаю.

ИГОРЬ. Алла, давай без истерик.

АЛЛА. До свидания, Игорь Иванович. Трудовую забирайте. (*Эдуарду*) Как вас зовут?

ЭДУАРД. Эдуард.

АЛЛА. Эдуард, что-то волнуюсь, вы целую жизнь на меня обрушили.

ИГОРЬ. Алла, я прожил с ней всю жизнь, как её бросить? Она старая.

АЛЛА. Не бросай. Она старая, я молодая.

ИГОРЬ. Но я тебя люблю.

АЛЛА (*Эдуарду*). Как вы думаете, Эдуард, зачем человек врёт даже самому себе?

ИГОРЬ. Мужик, уходи, ты видишь – ты лишний.

ЭДУАРД. Раньше бы ушёл, а теперь, когда ушёл от жены, не уйду. Алла Леонидовна, вы должны послушать меня.

Эдуард играет на скрипке.

АЛЛА. Это какой-то дурдом. Уходи, Гарик. Всю душу вынул.

ИГОРЬ. Десять лет так просто вычеркнешь из жизни?

АЛЛА. Уже вычеркнула.

ИГОРЬ. Я запью.

АЛЛА. Пей.

ИГОРЬ. Ты пожалеешь. Лимузин тебе всегда сдаю подешёвке.

АЛЛА. Найдутся и другие лимузины.

ИГОРЬ. Фотографа крутого подогнал.

АЛЛА. Найдутся и другие фотографы.

ИГОРЬ. На меня можно положиться. Где ты такого найдёшь, как я?

Эдуард прекращает играть.

ЭДУАРД. Может, она уже нашла.

ИГОРЬ. И что ты будешь продавать вместо испанской свадьбы? Еврейские похороны? Роза и этот скрипач? Ромки нет, ты идёшь ко дну, Алла!

ЭДУАРД. Игорь, вам пора.

ИГОРЬ. Чего?

ЭДУАРД. Вас попросили.

ИГОРЬ. Ты это, мужик, берега попутал?

АЛЛА. Гарик, ну вот прёт из тебя Урал, гопник с Вторчермета.

ИГОРЬ. Пожалеешь, Алла Леонидовна.

ЭДУАРД. Не хотите уходить? Очень хорошо! Тогда уйдем мы. *(протягивает Алле руку)* Пойдемте, Алла Леонидовна! *(Уходят)*

Игорь чувствует злость – на эту заносчивую грубую женщину и на себя. На себя за то, что снова был мелочным и потерял такого хорошего агента. Ещё Игорь злится на это блядское время, вот только-только пошли доходы, только-только за квартиру рассчитался, и тут на тебе, снова свадьбы в квартирах, экономия на всём, рубль ниже плинтуса. Мать совсем старая, сиделку надо нанимать. Отцу операцию делать, надо хорошего хирурга найти, заплатить, сыну поступать, только на платное есть шанс, дурак дураком. А тут “Задор” сорвался. Игорь ест дома стейк. Это не настоящий стейк, какая-то подделка, советская столовка. Вообще, ужасные эти занавесочки в клеточку, бесит пестрота: голубой, оранжевый, жёлтый, розовый, особенно розовый. И жена бесит, толстая и тупая. Расставила сувенирчики, магнитиков навесила, кастрюли старые сальные, телевизор этот не затыкается, цветочки на кафеле ну такие уродские, а всё она, она кафель выбирала – ну так миленько, ну так приятненько, ненавижу, миленько засунь себе в жопу, разведусь, и никаких клеточек, никаких цветочков, только чёрное и серое, чёрное и серое, или – коричневое и белое, коричневое и белое, кирпичи голые, бетон, металл, никакого хлама на полках, ни одного телевизора, нет, пусть телевизор, но только канал Рыбалка. Футбол, Рыбалка. Футбол, Рыбалка. Гараж. Бензопила. Ружьё. Брёвна. Дикие реки. Палатка. Осетры. Киты. Мачты корабля. Резиновые сапоги до пояса. Визг тормозов. Автогонки. Пот. Квадрицепсы. Белые рычащие медведи. Разъяренные кони. Победа, ты на первом месте, хлещет фонтан игристого, тебя все любят.

9.

Землянка в окрестностях Дубны, Московской области. Землянка расположена на большом участке, по сути это часть леса, с соснами, елями. На территории два дома – хозяйский и гостевой, баня, гараж на пять машин, открытый бассейн, фонтан, площадка для волейбола, теннисный корт. Но пенсионер Пётр Иванович Иванов, которому недавно исполнилось 90 лет, игнорирует все эти чудесные условия отдыха и рекреации, посланные богом его дочери Татьяне. Пётр Иванович вырыл себе землянку и в ней живёт. Там печка-буржуйка, котелок, алюминиевая кружка, вилка и ложка, фляжка со спиртом, солдатская постель, шинель, карта местности, бинокль. Пётр Иванович живёт в сорок четвёртом году двадцатого века. Накинув гостевую шинель, Татьяна сидит с отцом возле печки.

ТАТЬЯНА (*выкладывает из сумки тушёнку, перловку, винегрет, сыр бри под шумок*). Вот, паёк принесла.

ПЁТР (*рассматривает сыр*). Это что, американская помощь?

ТАТЬЯНА. Нет, французский сыр.

ПЁТР. У них оккупирована территория фашистами.

ТАТЬЯНА. У них движение Сопротивления, папа, оно нам тоже помогает.

ПЁТР. А, ну давай тогда. Ну что, какие сведения передают?

ТАТЬЯНА. Всё спокойно. Боёв пока нет. Кажется, заканчивается война. На днях.

ПЁТР. Нет, сестричка, это только кажется. Чую, год остался. Ну, может, меньше года. Сон вещий видел. В следующем победим, в сорок пятом. Может, по радиции в штаб передать? Мол, вещий сон у капитана Иванова?

ТАТЬЯНА. Допустим, передам. Пап, принесла тебе спальник, он для походов в горы, высокотехнологичный.

ПЁТР. Убери, что ты, тут тепло, шинели хорошие родина прислала. Шинелькой укрылся и тепло.

ТАТЬЯНА. У тебя ревматизм, суставы больные, папа.

ПЁТР. Хорошие у меня суставы, зимой по снегу босиком ходил. Мне же восемнадцать всего, ты что! Из Архангельска я родом, знаешь, город такой на севере, мы там крепкие парни все.

ТАТЬЯНА. Знаю, я там родилась, папа.

ПЁТР. Да ты что! Землячка! Ты почему не по уставу обращаешься опять? Говорил же – капитан Иванов.

ТАТЬЯНА. Я не буду, папа, сколько можно.

ПЁТР. Ну хорошо, используй это имя, раз тайна. Штабу виднее. Шифр.

ТАТЬЯНА. И хватит меня сестричкой называть. Я Таня.

ПЁТР. Штабу виднее. Пусть Таня.

ТАТЬЯНА (*передает ему таблетки*). Тут всем бойцам передали пилюли.

ПЁТР. Что за пилюли, Таня?

ТАТЬЯНА. От цинги. Ты пей. Три раза в день после еды.

ПЁТР. А, ну от цинги хорошо. От дезинтерии тоже надо.

ТАТЬЯНА. Что такое? Ты заболел? С животом проблема?

ПЁТР. Нет, Таня, но профилактика – это важно. Вот мы как-то в сорок первом воды попили из речки, грязноватая была речушка, так наш командир говорит: «Братцы, профилактика нужна». И спирта жажнули все. И ни один не заболел. А другая рота – дристала...

ТАТЬЯНА. Папа!

ПЁТР. Болела. Потому что спирта не было у них.

Пётр Иванович наливает себе спирту, разбавляет водой из ведра.

ТАТЬЯНА. Вода кончается. Пришлю тебе Мансура, денщика Мансура, он воды принесёт.

ПЁТР. Из родника?

ТАТЬЯНА. Говорят, из родника, но кто знает, 270 рублей за 19 литров. Давай сюда электричество проведём? Теперь в передовых землянках электричество проводят.

ПЁТР. Ну что ты, сестричка, зачем же, вдруг отходить, бежать, а тут уже капитально всё. Ничего, кончится война, будет и у меня дом. Жена будет.

Заживём, детей родим. Выучусь, по профессии буду работать. Вот угадай, на кого учиться буду?

ТАТЬЯНА. Инженер?

ПЁТР. Угадала! Ишь ты, догадливая какая сестричка!

ТАТЬЯНА. Таня.

ПЁТР. Товарищ Таня.

ТАТЬЯНА. Папа, я хотела сказать тебе... Допустим, есть молодая медсестра Аня. И она связалась с одним солдатом, ну, как тебе сказать, с врагом. Пленный он. Немец молодой. И она с ним живёт, ну то есть не живёт, а приходит к нему, туда, где он содержится, кормит его, короче, втюрилась. И я говорю ей – брось, брось его, он тебе не пара. Вот только что говорила с ней, как к тебе приехать. Но куда там. Не слушает она. Я для неё не авторитет. А тебя она любит.

ПЁТР. Меня? Хо-хо!

ТАТЬЯНА. Ну, любит тебя не как мужчину, а как деда, уважает тебя.

ПЁТР. Да какой же я дед, пацан совсем.

ТАТЬЯНА. Короче, ты пей пилюли, от цинги. Доктор сказал, посветлеет голова от них.

ПЁТР. Посветлеет, что ты имеешь в виду?

ТАТЬЯНА. Я имела в виду, цинги не будет.

ПЁТР. Профилактика. Это хорошо. Вот у нас случай был. Вода тухлая. Командиру. Спирту. И ничего. А другая рота. Профилактика.

Пётр засыпает. Татьяна укрывает его поверх шинели спальником. Садится у печки, смотрит на огонь. Постепенно засыпает. В небе появляется точка, она приближается к озеру, возле которого Татьяна загорает в купальнике. Всё ближе и ближе. Это вертолёт, в нём Коля летит. Он любит и хочет забрать. Вертолёт уже совсем близко, такой громкий, громкий как её стук сердца. Коля выглядывает из открытой двери, машет ей, свешивается, что-то кричит, ничего не слышно. Вертолёт кружит и не снижается, Коля всё кричит и кричит что-то, но ничего не слышно, что? Что? Татьяна тоже кричит ему, показывает на уши, но он вдруг закрывает дверь и улетает. Улетает вертолёт. Он не забрал её, и это наполняет глаза Татьяны слезами. Почему? Почему? Татьяна просыпается. По-прежнему горит печка, папа спит. Коля прилетел и забрал её, это было в реальности, почему же во сне всё по-другому?

10.

Антон и Аня едут в машине – это большой джип, Антон за рулём.

АНЯ. Слушай, так я не поняла, что бабушке нужно от меня?

АНТОН. Только твоё счастье.

АНЯ. Ну мы же быстро – отвезём барахло и всё? В принципе, зачем я тебе? Едь один.

АНТОН. Татьяна Петровна считает, что необходимо твоё участие в этом мероприятии.

АНЯ. Ну окей. Казённый языком таким говоришь.

АНТОН. Что?

АНЯ. Хорошая машина, говорю.

АНТОН. С дядей поработал. Он у меня за дороги отвечает, строит по всей Москве. Ну вот, на машину хватило мне.

АНЯ. Ты сам строил? Бетон таскал?

АНТОН. Зачем? Мы с дядей подрядчиков находили, они строили. А мы государственные средства распределяли. Работа хорошая, можно и на квартиру накопить. Но дядю потом попёрли – все на такое место хотят. Уж я просил Татьяну Петровну. Она говорит – будь скромнее, и так машину заработал, дай и другим.

АНЯ. Экологично.

АНТОН. А то. Куришь?

АНЯ. А? Нет, конечно.

АНТОН. И я бросил.

АНЯ. Я не бросала.

АНТОН. Бросил по алгоритму 45. Слышала? Новая привычка возникает через 45 дней. Если сорвался – опять возвращаешься на нуль и считаешь до сорок пятого дня. Надо на вейп переходить. Вейпить модно. Пар лучше, чем дым. Экологичнее.

АНЯ. Интересно.

АНТОН. У нас много общего, Аня.

АНЯ. У нас?

АНТОН. Да. Кроме того, что мы из одной среды, наши родители – чиновники, а у тебя и бабушка даже.

АНЯ. Красный.

АНТОН. Что?

АНЯ. Красный был.

АНТОН. Нет, жёлтый. На жёлтый можно ехать. Да не бойся – у меня корочки депутатские. Так вот, у нас с тобой, например, одинаковые двери дома. Я сейчас заметил, когда зашёл.

АНЯ. Да? Совпадение?

АНТОН. Ну какое же совпадение – двери из нашей префектуры. У нас такие же стоят в офисе. Массив дуба.

АНЯ. Фу, ужасно. Это бабушкина квартира. Уеду скоро.

АНТОН. Понимаешь, Аня, нельзя пользоваться всем этим и быть как бы отдельно.

АНЯ. Слушай, Антон, тема неинтересная, честно, не хочу об этом говорить.

АНТОН. Татьяна Петровна мне доверяет. Это же я тебе на карточку деньги ежемесячно перечисляю, она-то не умеет, она олдскульная у нас. Хотела меня посылать к тебе каждый месяц с конвертом, да я говорю, можно же проще, Татьяна Петровна. Мать моя умерла.

АНЯ. Сочувствую.

АНТОН. Так что я теперь под крылом Татьяны Петровны. Как там твоя мама?

АНЯ. Слушай, камон, давай не будем про мою маму. Моя мама – это моя проблема.

АНТОН. На самом деле, виноват кортизол.

АНЯ. Что?

АНТОН. Кортизол, гормон стресса. Когда пасущаяся газель чует запах льва, у неё происходит выброс кортизола. И этот выброс заставляет её убежать, даже если она ещё голодная, а тут еда вокруг. Она убегает и выживает. А многие чиновники имеют проблемы с кортизолом.

АНЯ. Не понимаю, о чём ты.

АНТОН. Они остаются пастись, когда надо убежать. Попадают на взятках. Сгорают. Горят люди, горят. Серотонин сначала в голову бьёт, дофамин, а потом – оп! И кортизол не чувят. Я гормонами интересуюсь.

АНЯ. Какие у тебя разносторонние интересы.

АНТОН. Потому что я чиновник. Мы же люди этого времени. Здесь и сейчас. Все шестерёнки вертятся для нас. По сути, мы занимаемся идеальным делом – служим людям. Вот даже сейчас куда мы с тобой едем? Заниматься благотворительностью. А чья идея? Татьяны Петровны! Она – человек высокой планки!

АНЯ. Она крутая, конечно, но недостаточно осознанная. Мы разные.

АНТОН. Вообще одинаковые. И очень красивые.

АНЯ. Антон, ну, блин.

АНТОН. И как она хорошо придумала с этой благотворительностью.

АНЯ. Хорошая идея. Экологичная.

АНТОН. А расскажи – ну вот что для тебя жить экологично?

АНЯ. Ну, вегетарианство, ограниченное потребление, конечно. Но не только. Это должно быть во всём. Вот варишь, например, кофе людям, не стремишься как можно больше денег получить, просто доставляешь им удовольствие. А они за это перераспределяют деньги в пользу тебя, ты через налоги в пользу всех. И нет цели сразу отхватить гигантский кусок, чтобы в пользу всех много-много пришло. Нет, потому что отнимая этот гигантский кусок, ты отнимаешь у всех, ты создаёшь брешь, вакуум, в который засасывает сразу многое. Нет, ты делишься своей заботой, люди взамен делятся своим ресурсом, так экологично.

АНТОН. Как интересно! А давай после мероприятия поедем в караоке. Кобзона попоём.

АНЯ. После мероприятия за мной заедет мой парень, и мы поедем домой.

АНТОН. Я подожду. Когда-нибудь ты его бросишь. Скоро.

АНЯ. Антон, что за фамильярности?

АНТОН. Мы многое обсуждаем с Татьяной Петровной. Она со мной делится. По сути, мы уже с ней родня. Осталось закрепить.

АНЯ. Really?

АНТОН. Да, это логично. Мы с тобой люди из одного теста. Вот йогой занимаешься, а ты такая же. Знаешь, я приехал в Москву семь лет назад. До этого на севере жил, в одном городе-миллионнике. Папа за социалку в районе отвечал. И глава этого района, Дмитрий Дмитриевич, он был чиновник, но художник. И он скульптурой занимался. Прямо перед зданием администрации такие скульптуры сделал огромные – Маша и Медведь. Ну, знаешь, мультик. Бывают чиновники-художники, бывают музыканты. Да все выдающиеся писатели – чиновники! Салтыков-Щедрин, Толстой, Грибоедов - все!

АНЯ. Это он в рабочее время делал, ну, чиновник твой?

АНТОН. Не мой, наш. Так а такого уровня чиновники что делают?

АНЯ. Что?

АНТОН. Заседают. Они же заседают. То есть ты с утра приходишь на работу и заседаешь, руководишь, переходишь с одного мероприятия на другое. А в перерывах он на улицу, к искусству. Я как-то помню в ресторане был на дне рождения у тёти, и смотрю: мафия сидит за шторкой. Реально, мафия – мужики такие пожилые, чёрные костюмы. Сидят за круглым столом, траурно так, заседают. Оказалось, наши люди – бывшие главы районов, представляешь? Их бывший мэр собрал. А они без чёрных костюмов не могут, так и ходят в них. Теперь, конечно, мы уже другие, новое поколение. В сером, синем, песочном даже летом.

АНЯ. Послушай, а что для тебя благотворительность?

АНТОН. Мероприятие.

АНЯ. Что за слово дурацкое – мероприятие.

АНТОН. Ты послушай – мира приятие. Приятие мира. Мы с тобой из касты жрецов. Мы грехи своих отцов замаливаем. И матерей. И вообще, это же нетворкинг - там все наши.

АНЯ. Все наши?

АНТОН. Ну, вот Маша, например, Маша Дроздова, она певица, джаз поёт. А папа её в девяностые дом сжёг с людьми, ему земля нужна была, а они не продавали. Большим человеком стал. А Маша теперь и музыкой, и благотворительностью.

АНЯ. Ужас какой. Она не знает? Про папу не знает?

АНТОН. Ну, он сказал ей, что это были плохие люди, алкоголики, наркоманы. В такую родню я бы не пошёл. Знаешь, я за экологию. А это, конечно, ужас. Совсем нет представлений о добре и зле у людей. А многие хотели бы жениться на Маше. Но не всё решают деньги.

АНЯ. Да, именно.

АНТОН. Это важно. Принципы – это важно. Думаю, надо стать вегетарианцем.

АНЯ. Это правильно, Антон.

АНТОН. Мне так нужен кто-то, с кем можно беседовать. Знаешь, о чём-то кроме денег. О каком-то смысле.

АНЯ. Ну, хочешь, будем беседовать иногда.

АНТОН. Спасибо, Аня. Это было бы круто. Кафе одно на Чистых открылось хорошее, вегетарианское. Сходим?

АНЯ. В принципе, можно. В обед. Времени у меня мало.

АНТОН. Конечно-конечно. Просто послушаю тебя. Вот мы приехали. Знаешь, было бы правильно, если бы ты не просто постояла там в углу, а сказала речь. Что-то про карму, экологию – как ты умеешь. Может, ты не случайно тут оказалась – что-то сказать этим людям, истину передать.

Аня заходит к ДК.

АНЯ. Друзья! Я хотела бы поблагодарить вас всех, кто пришёл на эту благотворительную выставку. Сейчас начнётся наш аукцион в поддержку детей, больных тяжёлыми заболеваниями. Все вырученные от продажи картин деньги пойдут на лечение и реабилитацию. И я хочу поблагодарить нашего генерального спонсора, человека, предоставившего нам это муниципальное помещение, транспорт и личные средства – Татьяну Петровну Иванову. К сожалению, она не смогла посетить наше мероприятие. Итак, начинаем!

11.

Кафе Ромы. Он варит кофе посетителям. Входит Регина и садится на свободный стул.

РЕГИНА. Знаешь, всегда я как-то с подозрением к таким людям, ну, молчаливым. Таким закрытым, холодным. Раз тебе не нравится, давай ругаться! А что вот это всё – молчанка. Я понимаю, ты работаешь. Гостей отпугнуть не хочешь. *(Девушке, которая пьёт кофе)* Мадам, пусть вас это не смущает, я ему как мать. Детей своих бог не дал, у нас с сестрой вот этот малой на двоих. Малой – так у нас в Кишинёве говорили. Вот, свою кофейню открыл. Я тоже

всегда мечтала о ресторане. Рома перцы мои любит фаршированные, по три штуки съедает, такие вкусные. Любишь, да, Ром? Или - каша мамалыга! Вот это хит! Кукурузная каша такая, варят в казанах, большими половниками о края бьют вот так, а потом три блюдечка – шкварки горячие, плавают прямо сало это, во втором - чеснок рубленный, в третьем - брынза овечья молдавская на крупной тёрке. И вот ты сам добавляешь, сколько тебе и чего. Или мититей – это типа люля кебаб, острые маленькие колбаски, это такое вкусное-вкусное! У нас во дворе мы все, дети, голодными не были. На улице Двадцать пятое октября мы жили, теперь по-румынски называют её, наверное. У нас знаете как было? С утра в выходной пекут хозяйки, кто пирог, кто пирожки, напекла – вынесла и детей во дворе угостила. Мама никогда не беспокоилась, что мы голодные, мы и не были. Дядя Изя, сосед, форшмак делал, какой же вкусный! Ешь, фишеле, ешь, говорил. Фишеле – рыбка. Все дети во дворе свои были, все фишеле. И у мамы все дети свои были. А с утра радиолу кто-нибудь включает, там молдавские песни. (*напевает*) Мама ини мама дори, ласа-ма ла шизаторе, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла. (*Парню, который пьёт кофе*) Вот вы, молодой человек, соседей своих знаете? А мы знаем. Мы наш дом тут в Москве в Кишинёв переделали. Не сразу получалось. Сначала ходили с пирожками, угощали, недоумение у людей – мол, что надо? Зачем? Это Москва. А потом оттаивать начали. Года через три. Стали улыбаться. Сначала чуть-чуть, бывает, задёргается так глаз, что с человеком? А это он улыбается, оказывается. Потом смелее. Рассказывать стали о себе. На праздники звать. У нас там Кирочка Ивановна живёт, совсем одна, ни детей, ни внуков, так она меня теперь дочкой зовёт. Всего-то лет на десять постарше (вы никогда не угадаете, сколько мне лет). У Лизы дети, две девочки шести лет, красотки – так она их приводит иногда, когда в театр с мужем вечером. Мы с ними скачем как лошади, не буду сейчас показывать. Хорошо у нас. Так что, возвращайся, Ром. Возвращайся домой. Мы семья.

Регина выходит, заходит Роза.

РОЗА. В прошлом году в Баден-Бадене пошли мы с Регинкой в оперу. Ну ещё до оперы я как в самолёте телефон отключила, так забыла включить, а потом смотрю – столько звонков пропущенных, что такое. Приятельница звонит, тоже вокалистка, помоложе. Говорит, тут тебя один хороший человек ищет, хочет познакомиться. Ну пусть приезжает, говорю, как раз у нас один билет пропадает, с нами пойдёт. Приезжает такой красавец-грузин на Ягуаре, Регина таки онемела. Побежала сразу за горжеткой – чтобы шикарнее казаться, ну ты её знаешь, как всегда суетится. Александр, имя такое красивое. Он слушает мои пластинки, представляешь? Сейчас голос, наверное, не тот, но вот те пластинки – ну сам знаешь. Там безупречно. И он любит мой голос. Мой, а не, допустим, Регинкин, она не понимает. Голос и горжетка – как можно сравнивать. И мы прыгаем в его Ягуар и едем слушать «Тоску». О молодой совсем, лет пятидесяти. Улыбается мне. Мы пьём шампанское там, в театре, хохочем. Едем домой, а Регинка в соседнем отеле поселилась, немного дешевле, и она говорит: сначала Розу завезём, потом меня. Я молчу. А он говорит так своим кошачим голосом: нет, сначала вас, а потом Розу. Едем уже вдвоём. Мой отель. Я говорю: вот, переселили на первый этаж меня. Зачем говорю, непонятно. И мы прощаемся, благодарим друг друга за вечер. В номере зажигаю свет, вспоминаю его. И он стучит в дверь балкона. Роза, не могу уехать от вас. Не

могу уехать, Роза, что делать. Он заходит, и мы болтаем всю ночь, поём, хохочем, говорим обо всём на свете, легко, так легко дышится. Утром он говорит: спасибо, вы дали мне вспомнить юность. Вспомнить юность. В общем, Рома, не возвращайся – а то станешь обыденностью. Привыкнул к тебе, как к стулу. Лучше появляйся вдруг, иногда – как праздник! Будь отдельно, сам по себе, зачем тебе это бабье царство. Только мне не забывай время от времени звонить. Чао!

Роза уходит, заходит Соня.

СОНЯ. Я фильмов накачала. Слушай, ну этот Бруно Дюмон – это восторг! Обязательно посмотри! (*передает Роме флешку*) Вот, записала тебе его сериал, «Малыш Кен-Кен», ну и полнометражных пару. На диету села. Да-да, не смейся. Интуитивное питание. Интуицию тоже, кстати, настраивать надо. Интуитивно всё время хочу шоколада, хлеба с маслом и жареной картошки. Но три кило за неделю всё равно ушли, как? загадка. Так что, смогу компанию составить скоро – на лыжах, на борде. Велик купила. Да, вспомнила твои восторги и купила. И шлем, и наколенники. Если что, вдруг покататься не с кем, свисти. Только сначала мне научиться надо. Все там по тебе скучают, блин, тётя Алла особенно. Но я им говорю: оставьте в покое человека. Ты им сам скажи – приходи и скажи, мол, оставьте в покое. Они очень рады будут, что пришёл. Приходи.

Соня уходит. Алла молча заходит и садится за стойку. Смотрит на Рому. Вспоминает, как маленький Рома любил лужи, шлёпал по ним босоножий, пугая чистеньких московских няnek и мамок, с такими же приличными детьми. Как Рома учился ездить на самокате, совсем мелкий, падал, злился, но снова поднимал самокат и пробовал. Как бросал в унитаз монеты и часы. Как учился готовить и жарил гренки. Как пошёл в школу первого сентября с коробкой конфет, а не цветами, такой торжественный, немного испуганный. И как целовал в лоб и приносил воды, когда Алла болела. А Регине слепил носорога из пластилина, ну, то есть, единорога, как он его понимал, а в носорога вставил разобранный по бусинам жемчуг Регины, чтобы добиться идеального белого.

РОМА. Мама, я так не могу больше. Нам надо поговорить.

12.

Регина и Гарик, одетые по-спортивно, вваливаются в квартиру Аллы и Регины, пьют воду, смеются.

РЕГИНА. Слушай, Гарик, ну это лучший понедельник в моей жизни!

ИГОРЬ. Регинка, держись меня!

РЕГИНА. Ноги отваливаются от самоката, кошмар, что придумал!

ИГОРЬ. Как позажигали, да? В понедельник хорошо, пусто. Я раз в воскресенье катался – сбил девушку.

РЕГИНА. Ужас!

ИГОРЬ. Да не бойся, это парень оказался, просто волосы длинные. Ну что, может, всё-таки в ресторан завалим?

РЕГИНА. Ну нет, я тебя умоляю, обещала синеньких – буду синенькие!

ИГОРЬ. А красненькие есть?

РЕГИНА. Там у нас винный шкаф в углу, там и красненькие, и беленькие, всё есть.

ИГОРЬ. Баклажаны – синенькие, а как вы кабачки называете?

РЕГИНА. А что их называть, их жарить надо. Слушай, ну и голосище у тебя.

ИГОРЬ (*поёт*). Я люблю тебя до слёз!

РЕГИНА. Ой, потише, потише!

ИГОРЬ. Я же подполковником был. Знаешь, надо было приказы громко отдавать, вот голос и развился. Потом на пенсию. Под лежачего офицера коньяк не течёт, так мы в армии говорили. И вот на гражданке, и куда? Охранником, таксистом? Столярную мастерскую открыл, делали мебель. Оборудование дорогое, кредит отдавать, заказов мало. Плюнул. Жилищного сертификата на полквартиры хватило, остальное зарабатывать надо. А что умею? Только голос у меня. Достал гитару, на груди рубашку расстегнул. И пошли деньги, только крутись, лимузин купил, аренда капает, нормально. Давай через неделю снова в караоке сходим?

РЕГИНА. Что у вас с Аллой?

ИГОРЬ. Ничего, всё прошло. Теперь она меня уволила, так время появилось. Вспомнил про Регину прекрасную.

РЕГИНА. Ну, всё к лучшему. Давай потанцуем. Включай пластинку.

ИГОРЬ. Какую хочешь, красавица?

РЕГИНА. Пугачёву, конечно.

Игорь ставит пластинку и они танцуют.

ИГОРЬ. Регина, ты женщина.

РЕГИНА. Ой, я тебя умоляю.

ИГОРЬ. Ты женщина, Регина. Ты женщина.

РЕГИНА. У меня мурашки.

ИГОРЬ. Регина, ты гитара.

РЕГИНА. Гетера? Какая же я гетера?

ИГОРЬ. Гитара, гитара.

РЕГИНА. А, плохо слышать стала. Гитара, да.

В дверь звонят. Регина открывает – входит Роза, нарядная, при полном параде.

ИГОРЬ. Розочка.

РОЗА. Слышу – музыка, песни. Думаю, надо бежать. Расчесалась, и к вам.

РЕГИНА. Боже мой. Надо было нам, Гарик, тихо в карты играть.

ИГОРЬ. Роза, давно хотел сказать – у тебя великолепный репертуар.

РОЗА. Да? Ну что ж, мерси. Мой репертуар – это моя душа.

РЕГИНА. Только динамики не хватает. Ну, на мой вкус. Какого-то ритма.

РОЗА. Это тебе ритма не хватает. У меня всегда был в жизни ритм. И ушёл он не полностью.

РЕГИНА. А мы в караоке пели, а потом на самокатах в парке Горького катались. Хотела тебя позвать, но, думаю, у тебя же нога.

РОЗА. У меня нога, рука, характер, харизма – всё у меня есть. А у других – одна слабость и зависть.

РЕГИНА. Пойду переоденусь, жарко что-то.

Регина уходит. Игорь наливает Розе вина, она пьёт.

РОЗА. Скучаю по твоей испанской гитаре, Игорь.

ИГОРЬ. Боже мой, Роза. Польщён.

РОЗА. Мы должны попеть вместе.

ИГОРЬ. Ты знаешь, я только «за». Но Алла. Она такая вспылчивая.

РОЗА. Какое-то недоразумение.

ИГОРЬ. Да. Скорблю. Так соскучился. Не могу без «Задора». Такой уровень. Такая интеллигентность. Твой репертуар.

РОЗА. Потому что у тебя есть душа.

ИГОРЬ. Мы должны сделать совместную программу, Роза. И тогда Алла, возможно...

РОЗА. Как хорошо, что у тебя столько сил, ты искришь.

ИГОРЬ. Роза. Почему же ты раньше не говорила?

РОЗА. Что не говорила?

ИГОРЬ. Что я искрю.

РОЗА. Стеснялась. Ты такой молодой совсем.

ИГОРЬ. Если бы хотя бы пальцем, поманила бы пальцем.

РОЗА. У меня такая же квартира, этажом выше. Ровно над этой. Понимаешь?

Входит Регина, нарядная, при полном параде.

РЕГИНА. Что он должен понимать?

ИГОРЬ. Региночка.

РОЗА. Вот я удивляюсь, Регина Леонидовна, вот как ты – специалист по брачным спариваниям...

РЕГИНА. Фу, какие спаривания, что ты говоришь такое.

РОЗА. Хорошо, брачный специалист – и как ты не нашла себе пару до сих пор?

РЕГИНА. Я нашла. Так ты же её у меня увела в восьмидесятые.

ИГОРЬ. Девочки, давайте наслаждаться.

РОЗА. Давайте. Могу Давида Самойлова почитать.

РЕГИНА. Стихи читать – убить вечеринку. Давайте танцевать! (Розе) Ой, у тебя нога. Ну посиди немножко, отдохни.

Регина и Игорь танцуют, Роза не суетится. Играет песня Аллы Пугачёвой. Входят Алла и Эдуард, незамеченные пока. Алла слушает песню, и это рождает в одну минуту облако воспоминаний в её голове. О том, что именно эта песня Пугачёвой была на голубой пластинке из журнала «Кругозор», который выписывала мама, мягкая пластинка посреди бумажных страниц, её вытаскивали и слушали. Именно эта песня сделала жизнь той шестнадцатилетней Аллы невыносимой – так скучно вдруг стало жить в Кишинёве, в котором всего триста жителей и нет любви для неё. Алла тогда слушала другую голубую пластинку из «Кругозора», на которую была записана радиопередача или даже документальный звуковой фильм, он состоял из ответов на один и тот же вопрос: что такое любовь. Люди отвечали, отвечали коряво, банально, как есть, но один ответ был как пуля, ответ какой-то неизвестной девушки. Что такое любовь? «Понимаете, я не могу без него жить», - отвечала она. И тут сердце Аллы останавливалось. Сердце диктора тоже останавливалось, он говорил: стоп, давайте послушаем ещё раз. И снова: понимаете, я не могу без него жить. Понимаете, я не могу без него

жить. Понимаете, я не могу без него жить. И Алла замирала на эту минуту в предчувствии какой-то великой любви. А потом слушала эту песню Пугачёвой, и ей тоже хотелось прорваться, ворваться в эту другую жизнь, чтобы всё кипело, чтобы пересыхало во рту, чтобы встречались новые сумасшедшие люди, чтобы терять от них голову. И она пошла на баскетбол, в новую секцию, о которой говорил весь город, потому что там был волшебный тренер, сильный, с победами, лучший в городе или даже в республике. Анатолий Тигранович. Молодой, знойный, любимый всеми Анатолий Тигранович, самый красивый тренер в мире. Все любили его, и, конечно, Алла, и подруга Аллы Райка Шамес, маленькая и взрывная. Анатолий Тигранович смотрел на Аллу. Алла начала курить от волнения. “В горах моё сердце, а сам я внизу” – читал Алле Бёрнса Анатолий Тигранович. Алла чувствовала себя звездой. И всё это в какие-то секунды возникло в её памяти от песни Пугачёвой.

АЛЛА. Понедельник, четыре часа дня. Вы пьяные жаворонки-бездельники.

РЕГИНА. А ты почему не в офисе?

АЛЛА. Я бы и раньше приехала, если бы знала, что у вас тут весело так. Что, Игорёк, наслаждаешься жизнью?

РЕГИНА. Алла, Игорь – наш коллега, десять лет не вычеркнешь. У нас корпоратив.

РОЗА. Мы придумываем новые пути выхода из кризиса. Что дальше делать будем?

ИГОРЬ. Если тебе неприятно, Алла, могу уйти. С вами Эдуард потанцует, девочки.

РЕГИНА. Нет-нет! Остайся, ты у меня в гостях.

РОЗА. Давайте пойдём ко мне. У меня фаршированная рыба.

АЛЛА. Оставайтесь. Мы на кухне посидим. Рома сказал, что не хочет заниматься свадьбами. То есть, он уходит из «Задора», это окончательно. И мне нужно придумать, что делать дальше.

ИГОРЬ. Алла, когда ты остынешь, в общем, у меня есть идеи. Идея первая – фермеры. Смотри, открываем ферму – кушать хочется всегда, в любые времена люди будут тратить деньги на еду. И мы предлагаем свадьбу на ферме, из самых свежих продуктов, вот прямо, типа, этого поросёнка зажарим, что бегаёт, курицы тут же, можно рыб разводить. Такая, то есть, деревенская свадьба. Я выучусь играть на баяне. Скрипку, ладно, внедрим. Роза знает какие-то народные песни, подтянем хор, украшение полевыми цветами и подсолнухами, в общем, концепция! Ну или ребят знаю, пародируют всю эстраду. Опять же, химическое шоу, такая свадьба для технической интеллигенции, мыльное шоу, Джек-воробей, человек-паук, Мерлин Монро.

АЛЛА. Ой, не надо, не надо ничего. Потом, потом, вы танцуйте, пойте.

13.

Алла и Эдуард пьют чай на кухне, из гостиной слышно Пугачёву, смех Регины, голос Игоря, за окном пасмурно.

ЭДУАРД. Алла, знаешь, я зануда. Да, зануда, не улыбайся. И довольно инфантильный. Ну то есть, я паразитирую. Обожаю паразитировать. Вот сразу на шею оп – и повисаю. Как муж я был – нагрузка. Готовила она, мыла она, всё она. Чисто, чтоб муха поскользнулась. Будто с мамой жил. Лень было уйти,

понимаешь? Вот как у тебя – ты хочешь, чтобы всё по-старому, а не получается. Всё движется, и нам надо. Надо, надо, Алла. И вот я плыл по течению. Лет двадцать мы так прожили, в общем-то. Ну, квартира общая, уходить так это куда-то, куда? Разменивать квартиру – ну ужас же. И потом, она же хорошая, не скандалит, просто как хорошие соседи живём. Это болото. Да, это болото. И ты тухнешь, тухнешь. Ну как спящая красавица в гробу лежишь. Работа – да, работа отвлекала. Дети бодрят. Я с ними научился мысли читать. Да-да, не улыбайся. Вот подумай что-нибудь.

Алла думает. Эдуард начинает раздеваться.

Да шучу-шучу. Ты подумала, что душно, надо форточку открыть. Так вот, ты меня разбудила. Не знаю, как так. Как, скажи? Ерунда, конечно, сначала думал. Но, знаешь, стал верить себе. Эмпатия у меня развита. И ты тогда на свадьбе такая открытая была, отчаянная. Ты пульсировала. Всю-всю тебя чувствовал. Будто всю жизнь мы вместе. И ты будто говорила: Эдик, проснись. Иди ко мне, Эдик. Ну и я, конечно, не пошёл. У меня же привычки. Привычки – это страшно. И мне стало, прям, плохо как-то. Вот Нонна смотрит телевизор. И пусть смотрит, в квартире этой. Я же вообще не против. Нормальная она, человек как человек, довольно добрая. Справедливая. Хорошая. Понимаешь? Только чувствую, я вообще не здесь и не сейчас. Переживаю. Как бы не живу. Не дай бог пережить 20 лет. А потом раз так, щёлкнуло – да ты же просто боишься нового, Эдик! Боишься нового. Я и в детстве боялся в новых ботинках сразу – натрут. В старых ходил. И вот когда понял...

Алла целует Эдуарда.

14.

Рома, Аня и Антон едут в машине Антона, он за рулём, Рома один на заднем сиденье. Рома вспоминает день, когда встретил Аню. Это было летом в парке Музеон, он сидел с друзьями на газоне возле скульптуры «Вдохновение», вдохновение разлеглось беззаботно в последних вечерних лучах солнца, и Аня делала селфи возле него. И так ей шла эта нега, лучи, эта пышная юбка, что Рома захотел её поцеловать. Конечно, не стал, но догнал и стал разговаривать. Никаких больше скульптур он не помнит, помнит только Аню.

АНЯ. Стрижка прикольная. (Роме) Да, Ром?

АНТОН. Чоп-чоп.

АНЯ. Так вот, откроем такую сеть магазинов - ничего не пропадает, приносишь свою одежду ненужную, берёшь себе, что нужно. Мир без отходов.

АНТОН. Круто. Помещения есть?

АНЯ. Да, бабушка даёт. На Тверской, на проспекте Мира, ну и другие в пределах кольца.

АНТОН. Для обеспеченных людей магазинчики. У Татьяны Петровны ещё с шестидесятых, наверное, баракло лежит.

АНЯ. Бабушка у нас очень экологичная, да, не выбрасывает, возьму у неё пару шкафов платьев.

АНТОН. Слушай, я понял, что надо – не магазин - аукцион! Среди своих, аукцион. Это же вещи от нашей звезды.

АНЯ. Да ладно, от какой звезды.

АНТОН. Да ты не понимаешь, какая у неё репутация, ты что, это легенда! Пост занимает скромный, а могла бы на федеральном уровне. Серьёзно, она очень влиятельная, её все знают, и она всех. Она как крёстная мать, она и правда крестила многих. В муниципалитете сидит просто из скромности своей космической, напрягаться не хочет, а так бы могла ого-го. Так что её вещи – они могли бы, знаешь, как платья Екатерины Фурцевой – в музей. Да она как Алла Пугачёва.

АНЯ. Иззи-иззи! (Роме) Я - внучка Аллы Пугачёвой, слышал, Ром?

Рома вспоминает, как его поразила инаковость Ани – лицо без косметики, ногти без лака, никаких украшений, одежда из секонда, детское мыло в ванной. Просто один кусок детского мыла, и всё – никаких баночек, скляночек и упаковочек, мыло и самая дешёвая паста, и пятеро кошек в приюте на балансе. Теперь Аня стала какая-то другая.

АНТОН. Серьёзно, легенда. Знаешь, сколько хорошего многим сделала. Кому должность, кому премию, права забрали – снова ей звонят, превышение должностных полномочий – ей. От тюрьмы столько народу спасла. Святая.

АНЯ. Слушай, Антон, а почему ты всё время губы растягиваешь так странно? (Роме) Тоже заметил, Ром?

АНТОН. Это серотонин и дофамин. Испытываю удовольствие.

АНЯ. Зубы что ли отбелил? (Роме) Белее же, да, Ром?

АНТОН. Отбелил, но это так. Я же с тех пор, как тебя встретил, Ань, как-то стал о будущем думать. Пошёл костюм сразу купил итальянский. Штаны стал подворачивать, так модно. Предчувствие появилось, что меня ждут великие дела.

АНЯ. Наверное, потому что мясо перестал жрать, сразу сознание прояснилось.

АНТОН. Ты вдохновляешь, серьёзно.

АНЯ. Спасибо, Антон. Я просто посредник знания.

АНТОН. И вот, мне приснилось, что мы с тобой летим на частном самолёте. И как будто на борту написано «Татьяна». Такой странный сон.

АНЯ. У бабушки нет самолёта.

АНТОН. Знаю, да и зачем ей, крестники все с самолётами, перевезут, если что. В общем, решил учиться, раз великие дела. Пошёл на курсы ораторские – ну и там научили, что в первую очередь надо улыбаться.

АНЯ. Ты няшный. Слушай, а давай устроим правда аукцион, вести будешь?

АНТОН. Надо поучиться на ведущего аукционеров, тоже инвестиция.

АНЯ. Ты и так красавчик. Ну правда. (Роме) Ром, ну ты чего растерянный как Траволта. Ты не ревнуешь, да?

АНТОН. Да Рома, конечно, не ревнует. Вы же не живёте вместе уже.

АНЯ. Антон, давай без вот этих всех пережитков, живёте-не живёте. Ты же знаешь, я за новые модели. Рома – биологический отец. И навсегда останется. Это важно. Я ношу его ДНК.

Рома хочет, чтобы Аня ещё много раз встречалась с его ДНК. Но почему-то Роме кажется, что Аня теперь будет встречаться с ДНК Антона.

АНТОН. Да, конечно. Так вчера Вере и сказал, твоими словами прям.

АНЯ. Вера? Таможенница? Перепутала их всех, мы за неделю сколько? Пять вечеринок обошли.

АНТОН. Ну, все говорят, мы классно смотримся. Ламповые няши.

АНЯ. Конечно, мы же не едим мясо, не курим, не пьём. *(Рома)* Рома, я уверена, что ты там у себя бургеры ешь каждый вечер и пиво пьёшь. Да? Угадала?

АНТОН. Вера обещала нас познакомить с федеральной парой.

АНЯ. Федеральной?

АНТОН. Ну очень высокопоставленные они. И щедрые. Много могут на твой медицинский центр дать.

АНЯ. А, Ром, я тебе не сказала – я же крупный реабилитационный центр открываю, половину средств уже собрали с Антоном по бабушкиным контактам. Всё-таки, Ром, бизнес ваш мелкий – совсем другие люди, менее осознанные. Служить, работать на дядю – это находится в старой системе, но и на себя работать – то же самое. Если исходить из того, что деньги все уже есть, то наша задача – просто перераспределять их. Мы – операторы, да, Антон?

АНТОН. Да, сидим на потоке, денежном. Перераспределяем, чтобы всё экологично было, как и было всегда – купцы, меценаты так делали. Ань, если Рома не против, хочу сделать тебе подарок.

Рома дарит Ане кольцо с бриллиантом.

АНЯ. Вау, какой крупный камень. Хорошо, продам, на центр добавлю. Так что ты лучше деньгами дари, Антон, время не отнимай. А вот и приехали. Это наша охрана. *(Рома)* Ром, ну что за Макконахи-фейс? Сходи с дедушкой поздоровайся.

15.

Рома сидит в землянке с Петром Ивановичем.

РОМА. Здравствуйте, Пётр Иванович. Я Рома, помните меня? Мы как-то приезжали с Аней.

ПЁТР. Рома? Не помню. Какое звание?

РОМА. Никакого.

ПЁТР. Ты жених что ли Анькин?

РОМА. Нет. Уже нет. Просто отец будущего ребёнка. Биологический.

ПЁТР. С ума посходили. Так хорошо было в сорок четвёртом.

РОМА. Так вы не в сорок четвёртом что ли теперь?

ПЁТР. Нет.

РОМА. Неожиданно.

ПЁТР. Не могу больше сумасшедшим прикидываться. Я же прикидывался.

РОМА. Ого. Сколько лет?

ПЁТР. Да вот как вся эта петрушка началась в девяностые – так себе землянку и вырыл. Не хотел жить в этом бардаке. Страна рухнула.

РОМА. Ну, не то, чтобы рухнула. Живём, иногда наслаждаемся.

ПЁТР. Ты не понимаешь – мы шли-шли, пусть не туда, пусть по кругу, но шли. И тут раз – и в яму упали. Всё. Чё делать-то теперь? Я уж привык в землянке.

РОМА. Ну, там у вас, вообще-то, хорошо наверху, лес, теннисный корт, бассейн.

ПЁТР. Я-то привык уже к землянке. «Папа, это пилюли от цинги». Враньё. Враньё. Было мне восемнадцать, теперь восемьдесят – кому нужна такая правда?

РОМА. Да, действительно.

ПЁТР. Ты-то сам кто такой? Чем занимаешься?

РОМА. Живу. Кафе маленькое у меня. На велосипеде катаюсь. Музыка слушаю. Квартиру в Медведково снял.

ПЁТР. Отец кто?

РОМА. Нет отца.

ПЁТР. Умер?

РОМА. Где-то живёт, не знаю. Меня мама и тётя воспитали.

ПЁТР. А у меня ни сына, ни внука. Хоть бы пожрать что было нормальное, тушёнка – господи, как я живой ещё, как не подох на тушёнке этой.

РОМА. Хотите, приготовлю что-нибудь? Кстати, у вас там повар хороший.

ПЁТР. Повар, теннисный корт – охренели они там все. Я в деревне родился, какой на хрен теннисный корт? На кортах рожь выращивали.

РОМА. Ну так что, выходим?

ПЁТР. Погоди. Давай посидим, побалакаем. Так где твой отец?

РОМА. Не знаю. Меня мама и тётя воспитали.

ПЁТР. Рыбачить умеешь?

РОМА. Не особо.

ПЁТР. В лесу выживешь?

РОМА. В лесу? В смысле, если потеряюсь? Вряд ли.

ПЁТР. Плохо дело.

РОМА. А зачем? Я в городе выживу. Иностранные языки знаю, ИП могу открыть. Зачем лес?

ПЁТР. А и то верно. Я после войны пришёл когда, пить начал. Пил, пил. Потом взял себя в руки – женился, на инженера выучился, В Сибири и на Дальнем востоке электросистемы строили. Первое время война, она не отпускала. Бывает, живёшь, седьмое ноября празднуешь или Новый год, а сам думаешь: на хрен я тут сижу? Пустые дела эти, бессмысленная жизнь. Понимаешь, мирная жизнь казалась бессмысленной. Так война калечит. Ты живёшь с войной, в войне, просыпаешься посреди ночи - граната летит, отрывает руку у Лёньки Конева, а Гришка Полищук упал лицом вниз, остывает. Будто брусника, брусника кругом, а это кровь. И с ума сходишь. Я жену, Катьку, и Таньку маленькую ремнём гонял. Помрачение такое было. Приснится мне война эта – просыпаюсь, пью водку и дальше не помню уже. Гонял их. Тогда многие гоняли. Мужское поведение, так считалось. Ты же мужик, суровый такой должен быть. Катька Таньку забрала и ушла. Очнулся тогда. Думаю, что делаю? Танька заикаться начала. Она и так подмороженная будто. Надо пойти прощения просить.

РОМА. Её нет, она в Москве.

ПЁТР. Да, в Москве. Чёрт, ей же много лет, да?

РОМА. Да, семьдесят.

ПЁТР. Боже мой, какой я-то старый. Помереть забыл.

РОМА. Хотите, сходим на рыбалку вместе?

ПЁТР. На рыбалку! А где удочки мои? Чёрт, ничего не найти, тушёнка одна. Тут нет удочек.

РОМА. Мы найдём, купим. Речка рядом.

ПЁТР. Речка рядом? Не помню. Помню: землянка, печка эта, шинель. Где гражданская одежда?

РОМА. Надо выйти, там, в доме, наверное.

ПЁТР. Надо выйти. Пстой, посидим давай немножко. Кто же тебя на велосипеде ездить учил, если отца нет?

РОМА. Мама и тётя. Потом сам.

ПЁТР. Неправильно это. Всё не так. Отец должен учить. Отец сильный, всё починит, исправит, всему научит. Как же ты вырос, если отец не хвалил?

РОМА. Я гостей любил. Маму и Регину в детстве просил – ну позовите. И когда приходили, выбирал себе чувака какого-нибудь и представлял, что это папа. Стоял рядом и смотрел, запоминал, как он смеётся, что говорит, как вилку с ножом держит, какой голос у него. А потом стихотворение ему рассказывал. Он говорил: какой молодец, хороший пацан растёт. А я сразу отжимался, чтобы он ещё больше меня хвалил. И мама потом наняла соседа – Мишку, он студент был, длинный такой, чтобы со мной на выходных в футбол играл, в баскетбол, на турнике висел. Классно было. Но потом они переехали. А я фильм посмотрел старый «Свой среди чужих», и там, помните, такой офицер белый есть – Лемке, так вот я придумал, что это мой отец. Он такой крутой, мужественный. Смелый такой, красивый. Там вообще все крутые, и красные, и белые, и бандиты, все. Люблю этот фильм. Кайдановского на стене повесил. Он даже спас меня однажды. Шмаль предложили продавать, это лет четырнадцать мне было. Ну, я подумал, почему нет, деньги, мама не узнает. А Кайдановский со стены так смотрел на меня, ну, пристально так смотрел. Вот он бы не стал шмаль продавать, точно. Он бы драться мог, но не это. И я не стал. Однажды случай был – сижу на балконе, курю, тогда курил тайком, слышу – чувак кричит какой-то. Ахтунг! Бьют его трое. А я что, меня мама с Региной на секцию велоспорта отдали, а не на дзюдо, сорян. Зашёл в комнату, а Кайдановский на меня смотрит так. Мол, ну ты чё? И я взял нож кухонный и пошёл. Они меня с ножом увидели – а я большой взял, самый большой – и разбежались. И тот, кого били, тоже убежал. И вот я вернулся, а он так смотрит на меня, Кайдановский, мол, молодец. И так мне с ним поговорить захотелось. Просто, не знаю, рядом посидеть. Странно, да?

ПЁТР. Ты молодец, Рома. Как настоящий мужчина поступил. Я горжусь тобой.

Рома и Пётр выходят из землянки – они как будто выходят из тёмного тоннеля на яркий-яркий свет, который ослепляет их, помещает их в никуда, в белое пространство без земли, без неба.

16.

ПЁТР. Товарищи! Когда-то этот город был небольшим таёжным селом, а его промышленность составляли лесозавод на 11 рабочих мест да мебельная мастерская. Теперь к нам едут со всего мира, и даже Фидель Кастро - великие люди восхищаются нашей работой. Мы, энергетики, принесли цивилизацию в дикий сибирский край, мы принесли жизнь! Да что там говорить, мы, энергетики, построили всю страну. А что может быть грандиознее, чем строить страну! Зачитаю: за пятилетку 1956-1960 национальный доход возрос более чем в полтора раза, валовая продукция промышленности - на 64, сельского хозяйства - на 32 процента, капиталовложения более чем вдвое. Введены в строй Горьковская, Иркутская, Куйбышевская, Волгоградская ГЭС, крупнейший в Европе Камвольный комбинат в Иванове. Начато освоение целинных и залежных земель Казахстана, Зауралья и Западной Сибири. 4 октября в СССР произведен запуск первого в мире искусственного спутника

Земли. Страна получила надежный ракетно-ядерный щит. За семилетку (1959–1965 гг.) были построены тысячи заводов и крупных производств, среди них такие гиганты, как Западно-Сибирский и Карагандинский металлургические заводы, Иркутский и Красноярский алюминиевые заводы, Усть-Каменогорский титаномагнийевый комбинат, Качканарский и Гайский горно-обогатительные комбинаты на Урале и др. Особый упор делался на строительство предприятий химической промышленности. Вступили в строй Невинномысский, Чебоксарский, Щепинский, Черкасский, Новьинский, Кедоинский химкомбинаты; Сумгаитский, Чарджоусский, Гомельский суперфосфатные заводы, ряд заводов по производству химических волокон и синтетического каучука. В электроэнергетике было завершено строительство крупнейшей в мире Братской ГЭС. И всё это, товарищи, произошло в том числе благодаря нам – энергетикам, строителям лэп. Наша страна – первая на планете!

17.

Алла и Татьяна в кафе Ромы, пьют кофе. Вместо Ромы какая-то девушка танцует руками вокруг кофемашины.

АЛЛА. Чёрный цвет старит.

ТАТЬЯНА. Да и пусть старит, я старая.

АЛЛА. Многие бы позавидовали, не надо.

ТАТЬЯНА. Завидовать нечему. Вот и осталась сиротой.

АЛЛА. Мы с Регинкой уже семь лет сироты. Мама хорошо пожила, долго, Потому что много пешком ходила и людей любила. Всех усыновила, удочерила, весь дом наш. До сих пор мы с сиделкой её дружим, по телефону говорим. Ну что же делать, пришло время – и ушла.

ТАТЬЯНА. Да, вот и папа ушёл.

АЛЛА. Собачку завела, Клару. Хорошая такая была, такса. Чем-то на маму похожа – не знаю, в глазах что-то, и укладывалась как мама. Как будто мама рядом всегда. Она мне говорила – «Аллочка, я уйду, попаду, конечно, в рай. Ты вообще не переживай, я буду рядом с богом и ему всё расскажу, какая ты хорошая, так что у тебя всё будет отлично». Они нас не бросают.

ТАТЬЯНА. Шинель папину отдала портной. Пусть мне пальто сошьёт.

АЛЛА. А я из маминой чашки пью. Клара тоже ушла. Тяжело, когда уходят собаки.

ТАТЬЯНА. Землянку эту видеть не могу. Продала дачу. Деньги Аньке отдала на благотворительность. Центр она хочет построить реабилитационный.

АЛЛА. Новая жизнь.

ТАТЬЯНА. Новая. Поехала с Колей повидалась, так и сказала ему: у нас новая жизнь, мальчик родился. Назвали Иваном, в честь папы моего.

АЛЛА. Новая жизнь. Счастье-то какое. На Рому похож Ванька.

ТАТЬЯНА. И на папу моего. Подбородок как у папы.

АЛЛА. Да какой там ещё подбородок.

ТАТЬЯНА. Колю всю жизнь люблю. Мой генерал. Не мог он меня оставить, и я не могла его забыть. У него там своя жизнь, жёны, дети, у меня своя, а не мог. Выпьет – и звонит. На вертолёте прилетал за мной. Прямо на озеро прилетел, где я купалась. Лет сорок мне было. Замуж звал, но это бесполезно, какая жизнь, человек с войной живёт. Но он лучший. Сколько для деревни нашей сделал, где мы родились. Два человека у нас там, дядя Миша и Светлана, они

болели, так он их в Москву привёз на вертолёт и вылечил здесь, в госпиталь устроил, к самым хорошим врачам. Простых деревенских людей. А какой красивый. И характер какой великодушный. Вот просто большой человек, человек высокой планки. Царствие небесное.

АЛЛА. Царствие небесное.

ТАТЬЯНА. И за здоровье Ванечки.

АЛЛА. За здоровье Ванечки. Мне Регинка от радости платье сшила – синее-синее, лазурное просто, шифоновое. Такое было в молодости у меня. Тогда оно мне совершенно голову снесло – идти не могла, отрывалась от земли. Синее-синее, небесное, внизу волны, так оно мне шло, не передать словами, нет таких слов. И люди все обращали внимание, люди сворачивали головы, «Вы не можете поработать у нас в модельном агентстве?». Ярко-синее. Он действует так: по глазам к лицу, волосам – оно было сумасшедшее платье, вот так. И вот я иду в этом платье по улице лучшего в мире города, по Москве, курю, и мне так хорошо, что я просто свечусь. Мы провожаем меня в аэропорт, Генка, Машка и Сашка. А со мной маленькая сумочка, и через несколько часов я уже буду в Кишинёве, папа встретит на машине, привезёт домой, а там мама стол накрыла, всё ломится, и виноград, конечно, и крабы, всё, и придут друзья, родственники, и они будут восхищаться, и я буду восхищаться, восторг. И вот стою в аэропорту в этом синем-синем платье, и так весь мир люблю, так люблю, что открываю сумку, достаю все деньги, что были, и дарю им, друзьям своим. Они: «Алла, да ты что, зачем, почему?» А что мне деньги, меня папа встретит, и столько любви вокруг. И вот сажусь в своём небесном платье в самолёт, мы летим, но вдруг: «Пристегните ремни. Самолёт делает вынужденную посадку в Борисполе». Как в Борисполе? Зачем в Борисполе? Мне в Кишинёв. И вот мы все в аэропорту. Проходит два часа, проходит четыре. У меня ни копейки. Хочется пить, есть. Нам говорят, что придётся переночевать. А я в синем-синем платье своём и без денег. Нас плюхают в какую-то гостиницу, дают раскладушки, я в коридоре на этой раскладушке. И тут понимаю, что надо что-то делать. А там летела футбольная команда. И вот я давай перед ними ходить, туда-сюда, туда-сюда. Они сразу, конечно, заметили меня в этом платье, кто вы, что, откуда. Они на соревнования летели в Кишинёв, молодые совсем мальчишки, тренеры с ними, администратор, директор. Конечно, сразу меня позвали обедать, у них талоны, и потом все двое суток кормили-поили, все такие добрые были ко мне. Я была как Белоснежка там. Всё им про Кишинёв рассказала, и про институт в Москве. А потом они на поезде уехали, не могли больше ждать, соревнования. А я на самолёте через полдня.

ТАТЬЯНА. Сразу захотелось сшить синее-синее платье.

АЛЛА. Сшей.

ТАТЬЯНА. А хочешь, вместе к Коле поедем на Ваганьковское?

АЛЛА. Сейчас?

ТАТЬЯНА. Нет, на следующей неделе. Заеду за тобой. Адрес напиши. И папу навестим. Гушёнку ему привезу.

АЛЛА. Конфеты же привозят.

ТАТЬЯНА. Он не любил конфеты.

АЛЛА. А потом к нам. Регинка мамалыгу делает. Исхудала ты совсем, с похоронами этими. Анкеты женихов почитаем, посмеёмся. У нас хорошо. Вина полный шкаф, пластинки.

ТАТЬЯНА. Хороший план.

АЛЛА. А поехали прямо сейчас? Нормально внука отметим. Ну, не живут вместе, но родственники мы всё равно уже. Думала, Рома разорится, а он вторую кофейню открывает, надо отметить.

ТАТЬЯНА. А поехали.

18.

АНЯ. Алё, алё! Плохо слышно, алё!

ТАТЬЯНА. Алё! Как ты там, детка?

АНЯ. Тут потрясающе, слышишь? Потрясающе!

ТАТЬЯНА. Питаешься нормально? Алё! Нормально кормят вас?

АНЯ. Кормят отлично, ты как? Как здоровье?

ТАТЬЯНА. Хорошо, детка, хорошо, слава богу! Когда к нам? К нам когда? Ванька соскучился, слышишь? Не говорит, но по глазам вижу, что соскучился.

АНЯ. Скоро, скоро, осталось несколько тонн пластика собрать, и к вам, океан совсем загадили пластиком своим.

ТАТЬЯНА. Почему океан, ты же чистила море?

АНЯ. Море почистила, теперь океан, потом на другой поедем. Ты там проследи, чтобы Ване сладкого не давали, это вредно, слышишь?

ТАТЬЯНА. Рома всё делает хорошо, не беспокойся, мы все помогаем, и Алла, и я, и Регина, они меня удочерили.

АНЯ. Как там наш центр?

ТАТЬЯНА. Всё хорошо, курирую.

АНЯ. Что? Не слышно.

ТАТЬЯНА. Курирую, лучший медицинский центр в городе, все тебя благодарят.

АНЯ. Да я-то что, пусть тебя благодарят. Если бы не ты...

ТАТЬЯНА. Ань, я соскучилась, приезжай уже.

АНЯ. Несколько тон пластика соберу и приеду, привезу приправ, тебе антиоксидантов, помолодеешь.

ТАТЬЯНА. У меня Ванька антиоксидант, приезжай, детка. Алё! Детка, приезжай! Алё! Слышишь? Приезжай!

19.

Игорь играет на гитаре горячую музыку. Пот струится по лбу, белая рубашка на груди нараспашку, атласный широкий пояс врезается в живот. Луч света выхватывает Игоря посреди темноты, но вот последние аккорды, последние удары каблуком об пол – свет загорается везде, гости аплодируют и кричат, везде цветы, как в райском саду – это свадьба в ресторане, и мы видим знакомые лица. Красивая пара танцует фламенко.

РЕГИНА. Роз, ты, знаешь, когда будешь петь, я тебя на видео запишу и Мэтью отправлю. Он сразу влюбится. Ты же как соловей, а он профессор-орнитолог.

РОЗА. Если разглядит. У него минус сорок, мне кажется.

РЕГИНА. Зато морщины твои не увидит. У тебя и нет, конечно. Но вдруг будут.

РОЗА. А ты, значит, Игорька себе решила прибрать?

РЕГИНА. Ну Роза, ну сколько говорить, его жена прибрала, я не претендую вообще. И ты, ну ты, конечно, можешь, но какой смысл? Лучше билеты покупай и лети к Мэтью, ну. Ему, знаешь, сколько писем приходит ежедневно? А я же

как на избирательном участке: «Правильный кандидат только один». И только твои письма вбрасываю.

Появляется Соня, она с микрофоном, и её не узнать.

СОНЯ. Меня и мама иногда не узнаёт.

Но всё же, как тебе удалось так похудеть, Соня? Как ты переломила метаболизм?

СОНЯ. Жрать перестала, вот и весь метаболизм. На велосипеде каталась до изнеможения. Приседала со штангой.

Потрясающе. Соня говорит в микрофон.

СОНЯ. Дорогие друзья! Сегодня особый день! Хочу говорить неформально, но торжественность момента не даёт. Итак, сегодня мы празднуем свадьбу двух людей, которые стали семьёй. Они утверждают, что любят друг друга. Ну что ж, поживём – увидим. Гости продолжают прибывать, добро пожаловать! И следующий номер нашей программы – скрипка!

Эдуард играет на скрипке. В ресторан входит Татьяна, впервые не в чёрном. С ней Рома, он катит коляску с годовалым ребёнком. Между тем на сцену выходит Роза, она поёт песню, а потом Алла, она в белом платье. Песня заканчивается и Алла целуется с Эдуардом – все кричат «Горько!»

АЛЛА. Дорогие мои, очень рада вас сегодня видеть здесь. Смешно, но я выхожу замуж впервые в жизни, хочу показать пример своему сыну. Они с Соней сказали, что только после нас с Эдиком. Я просто хотела сказать, что бывает вот такое, что влюбляешься, и это взаимно, и хочется нарушить ход своей жизни. Одно маленькое объявление: я ухожу из «Задора», все дела теперь будет вести наша прекрасная Соня. А у нас новые идеи, новый бизнес – когда, если не сейчас? Эдик, я люблю тебя!

Свадьба шумит, столы ломаются, цветы нависают. Соня танцует с Ромой, Регина хохочет с красивым директором ресторана, Татьяна улыбается. Татьяна улыбается, и это так необычно. Маленький Иван улыбается тоже, он как папа. Люди живут, любят, целуются, мирятся, едят, обнимаются, пахнут духами, танцуют, глубоко дышат, покрываются мурашками, поют, горят глазами, вслушиваются друг в друга, пьют вино, назначают свидания, пленяют, тают, мечтают, находят и теряют, надеются, шутят, делают селфи, дружат в фейсбуке, добавляют в инсте, слушают музыку, любят друг другом, ставят лайки, обмахиваются салфетками, ищут глазами, высекают искры, чувствуют счастье. Просто чувствуют счастье.

20.

Татьяне снится подмосковье, пляж у озера и вертолёт в небе, а в нём Коля. Коля летит к ней в вертолёте, потому что любит. Любит и хочет забрать. Она в купальнике, теряя тапочки, бежит к нему. Вертолёт снижается,

обдавая ветром. Коля бежит навстречу, рубаха растёгнута на груди, совсем живой, пахнет рыбой, такой родной архангельский запах. Глаза голубые на загорелом лице, выжженные солнцем волосы. Обняв Колю, Татьяна вдруг разворачивается и уходит. Она идёт всё дальше, дальше от него, он зовёт, зовёт, но она улыбается и уходит. Она плавает в озере, а сверху, на небо поднимается Колин вертолёт, он улетает. Белое облако обнимает его, он уменьшается, превращается в точку. Татьяна лежит на спине, щурясь на солнце, впереди длинный тёплый летний день.

КОНЕЦ